

Межрегиональная общественная организация
«Научный пенитенциарный клуб»

LEX CRIMINALIS SCIENTIARUM

ISSN: 3034-3259
(Online)

Сетевой
научно-практический журнал
«Уголовно-правовые науки»

Lexcriminalis.ru Том 3, № 3 (9), 2026

LEX CRIMINALIS SCIENTIARUM

**Сетевой научно-практический журнал
"Уголовно-правовые науки"**

ISSN: 3034-3259 (Online)

2026, том 3, № 3 (9)

Издается с июля 2024 года
Выходит 4 раза в год

Учредитель:
Межрегиональная общественная организация
«Научный пенитенциарный клуб»

Главный редактор:
Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода в свет: 30.09.2026

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160022, г. Вологда, ул. Сергея Премина, 4, кв. 28

Телефоны: +7 (910) 110-55-70, +7 (920) 211-47-53

E-mail: lexcriminalis@mail.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: lexcriminalis.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер Эл № ФС77-87837 от 22.07.2024 ISSN 3034-3259 (Online)

© МОО "Научный пенитенциарный клуб", 2026

LEX CRIMINALIS SCIENTIARUM

**Network scientific-practical journal
"Lex criminalis scientiarum"**

ISSN: 3034-3259 (Online)

2026, volume 3, № 3 (9)

Published from July 2024
Published four times a year

Founder:
Interregional public organization
"Scientific Penitentiary Club"

Editor-in-Chief:
Evgeny L. Kharkovsky

All rights reserved. Reprinting of materials only with the permission of the journal's editors.
Author contributions are peer-reviewed and will not be returned. The Editorial Board reserves the
right to make abbreviations and editorial changes to the manuscript

Presented in the Russian Science Citation Index (RSCI) system

Date of publication: September 30, 2026
The journal is available free of charge on the website
in full-text format

Editorial office address: 160022, Vologda, 4 Sergey Preminin St., sq. 28
Telephones: +7 (910) 110-55-70, +7 (920) 211-47-53
E-mail: lexcriminalis@mail.ru

Website: lexcriminalis.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications and Mass
Media in the sphere of communications, information technology and mass communications.
Registration Number EL No. FS77-87837 of July 22, 2024 ISSN 3034-3259 (Online)

© IPO "Scientific Penitentiary Club", 2026

Редакционная коллегия

Харьковский Евгений Леонидович – советник президента Научного пенитенциарного клуба, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Бондаренко Сергей Яковлевич – президент Научного пенитенциарного клуба, кандидат исторических наук (ответственный секретарь);

Агарков Алексей Вячеславович – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, заместитель председателя регионального отделения Научного пенитенциарного клуба по Владимирской области, доктор юридических наук, доцент;

Бабаян Сергей Львович – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, член Научного пенитенциарного клуба, доктор юридических наук, доцент;

Беляева Лариса Ивановна – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, вице-президент Научного пенитенциарного клуба, председатель регионального отделения Научного пенитенциарного клуба по г. Москве, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Букалерева Людмила Александровна – проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, член Научного пенитенциарного клуба, доктор юридических наук, профессор;

Давитадзе Мевлуд Демуралович – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Дамдинсүрэн Дамдинцэрэн – глава свободной экономической зоны «Замын Ууд», консультант-профессор Профессорского состава института исполнения судебных решений Университета внутренних дел Монголии, доктор юридических наук, доцент (Монголия);

Дворянсков Иван Владимирович – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, председатель регионального отделения Научного пенитенциарного клуба по Московской области, доктор юридических наук, профессор;

Долгополов Кирилл Андреевич – заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета, председатель регионального отделения Научного пенитенциарного клуба по Ставропольскому краю, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент;

Козаев Нодар Шотаевич – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Калужина Марина Анатольевна – профессор кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета, заместитель председателя регионального отделения Научного пенитенциарного клуба по Краснодарскому краю, доктор юридических наук, доцент;

Кургузкина Елена Борисовна – профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, член Научного пенитенциарного клуба, доктор юридических наук, доцент;

Морозов Роман Михайлович – доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель регионального отделения Научного пенитенциарного клуба по Вологодской областной, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Роман Анатольевич – профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, председатель регионального отделения Научного пенитенциарного клуба по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Селиверстов Вячеслав Иванович – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член президиума Научного пенитенциарного клуба, доктор юридических наук, профессор,

заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Шабанов Вячеслав Борисович – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, (Республика Беларусь);

Шаталов Александр Семенович – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

The Editorial Board

Evgeny L. Kharkovsky - Advisor to the President of the Scientific Penitentiary Club, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Editor-in-Chief);

Sergey Ya. Bondarenko - President of the Scientific Penitentiary Club, Candidate of Historical Sciences (Executive Secretary);

Alexey V. Agarkov – Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Deputy Chairman of the regional branch of the Scientific Penitentiary Club for the Vladimir region, Doctor of Law, Associate Professor;

Sergey L. Babayan - Professor of the Department of Criminal Law at the Lebedev Russian State University of Justice, member of the Scientific Penitentiary Club, Doctor of Law, Associate Professor;

Larisa I. Belyaeva - Professor of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vice-President of the Scientific Penitentiary Club, Chairman of the regional branch of the Scientific Penitentiary Club for Civil Defense. Moscow, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Lyudmila A. Bukaleroval - Vice-rector of the Russian University of Law and Notary named after G.B. Mirzoev, member of the Scientific Penitentiary Club, Doctor of Law, Professor;

Mevlud D. Davitadze - Professor of the V.E. Eminov Department of Criminology and Penal Enforcement Law at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor;

Damdinsuren Damdinceren - Head of the Zamyn Uud Free Economic Zone, Consultant-Professor of the Faculty of the Institute of Enforcement of Judgments of the University of Internal Affairs of Mongolia, Doctor of Law, Associate Professor (Mongolia);

Ivan V. Dvoryanskov - Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Chairman of the regional branch of the Scientific Penitentiary Club for the Moscow Region, Doctor of Law, Professor;

Kirill A. Dolgoplov - Head of the Department of Criminal Law and Process at the Law Institute of the North Caucasus Federal University, Chairman of the regional branch of the Scientific Penitentiary Club for the Stavropol Territory, Doctor of Social Sciences, Candidate of Law, Associate Professor;

Nodar Sh. Kozaev - Deputy Head of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Academic and Scientific Work, Doctor of Law, Associate Professor;

Marina A. Kaluzhina - Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics at Kuban State University, Deputy Chairman of the Regional branch of the Scientific Penitentiary Club for the Krasnodar Territory, Doctor of Law, Associate Professor;

Elena B. Kurguzkina - Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Member of the Scientific Penitentiary Club, Doctor of Law, Associate Professor;

Roman M. Morozov - Associate Professor of Criminal Law Sciences at the North-West Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLU), Chairman of the regional branch of the Scientific Penitentiary Club for the Vologda Region, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

Roman A. Romashov - Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement at St. Petersburg University of Trade Unions for the Humanities, Chairman of the regional branch of the Scientific Penitentiary Club for the State Penitentiary Service. Saint Petersburg and Leningrad Region, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Vyacheslav I. Seliverstov - Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University, Member of the Presidium of the Scientific Penitentiary Club, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Vyacheslav B. Shabanov - Head of the Department of Criminalistics of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, (Republic of Belarus);

Alexander S. Shatalov - Professor of the Criminal Procedure Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЛГОПОЛОВ К. А., ПЕНЮШИН С. Н. Пробация в Ставропольском крае: итоги 2025 года и возникшие вопросы	175
ДВОРЯНСКОВ И. В. О процессуальном статусе сотрудников следственного изолятора: к вопросу о субъекте преступления по ст. 301 УК РФ	179
ЛАКСАЕВА С. Э. Противоречия правовой системы в сфере защиты от сексуального насилия: поиск баланса между законом и справедливостью	185
ГИЛЬМУТДИНОВА Ю. Ю. Уголовная ответственность за буллинг несовершеннолетних в образовательной организации: проблемы криминализации и квалификации деяний.	190
ХАРЬКОВСКИЙ Е. Л. Исправительные учреждения в механизме реализации задач правосудия.	195
ЛАТЫШЕВА Л. А. Проблемные аспекты объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка	203
ГАСЫМОВА Н. А. Трансформация института соучастия в условиях цифровизации и сетевых коммуникаций.	209
БАДАЕВА Е. А. Противодействие ложным экспертным заключениям без избыточной криминализации: поиск оптимальной модели ответственности.	213

CONTENT

DOLGOPOLOV K.A., PENYUSHIN S.N. Probation in Stavropol Krai: 2025 Results and Issues	175
DVORYANSKOV I.V. On the Procedural Status of Employees of a Pre Trial Detention Facility: on the Issue of the Dubject of a Crime Under Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation	179
LAXAEVA S.E. Contradictions in the Legal System Regarding Protection from Sexual Violence: Finding a Balance Between Law and Justice	185
GILMUTDINOVA YU. YU. Criminal Liability for Bullying of Minors in Educational Institutions: Problems of Criminalization and Classification of Acts	190
KHARKOVSKY E.L. Correctional Institutions in the Mechanism for Implementing Justice Tasks	195
LATYSHEVA L.A. Problematic Aspects of the Objective Side of the Crime Involving Liability for the Murder of a Newborn Child by the Mother	203
GASYMOVA N.A. Transformation of the Institution of Participation in the Context of Digitalization and Network Communications	209
BADAEVA E.A. Countering False Expert Opinions Without Excessive Criminalization: the Search for an Optimal Model of Responsibility	213

Научная статья

УДК 343.825

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.001

Пробация в Ставропольском крае: итоги 2025 года и возникшие вопросы

КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ ДОЛГОПОЛОВ

Северо-Кавказский федеральный университет, общественная палата Ставропольского края, Общественная наблюдательная комиссия Ставропольского края, Ставрополь, Россия, nadal06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЕНЮШИН

Общественная палата Ставропольского края, Общественная наблюдательная комиссия Ставропольского края, Ставрополь, Россия, nadal06@mail.ru

Аннотация. Авторами рассмотрены основные положения ФЗ от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Кроме того, показаны, итоги работы института пробации в Ставропольском крае за 2025 год, и раскрыты проблемы, возникающие при реализации данного законопроекта.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, лишение свободы, осужденные, социально-значимые заболевания, средства исправления, воспитательная работа, пробация, Ставропольский край.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Долгополов К. А., Пенюшин С. Н. Пробация в Ставропольском крае: итоги 2025 года и возникшие вопросы // *Lex criminalis scientiarum*. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 175-178. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.001.

Original article

Probation in Stavropol Krai: 2025 Results and Issues

KIRILL A. DOLGOPOLOV

North Caucasus Federal University, Public Chamber of the Stavropol Territory, Public Supervisory Commission of the Stavropol Territory, Stavropol, Russia, nadal06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

SERGEI N. PENYUSHIN

The Public Chamber of the Stavropol Territory, the Public Supervisory Commission of the Stavropol Territory, Stavropol, Russia, nadal06@mail.ru

Abstract. The authors examine the key provisions of Federal Law No. 10-FZ of

February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation." They also present the results of the probation institution's work in Stavropol Krai for 2025 and identify the challenges arising in implementing this law.

Keywords: penal system, correctional institutions, imprisonment, convicts, socially significant diseases, correctional facilities, educational work, probation, Stavropol Krai.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Dolgoplov K.A., Penyushin S.N. Probation in Stavropol Krai: 2025 Results and Issues. *Lex criminalis scientiarum*. 2026, vol. 3, no. 3 (9), pp. 175-178. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.001.

С 1 января 2024 года вступил в силу Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Пробация – совокупность мер в отношении осужденных и бывших заключенных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, включая их ресоциализацию, социальную адаптацию, защиту прав и законных интересов [1].

Основная цель пробации – помощь осужденным и предупреждение совершения ими новых преступлений. Субъектами пробации являются федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, учреждения уголовно-исполнительной системы, государственные учреждения службы занятости населения, организации социального обслуживания. В целях осуществления мероприятий ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация, могут привлекаться коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения, негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации. общественные наблюдательные комиссии, а также граждане. Органы местного самоуправления вправе участвовать в процедурах пробации во взаимодействии с субъектами пробации.

По данным на 1 июня 2026 года в учреждениях УИС края содержится (отбывают наказание) 6911 человек, из них мужчин - 5672, женщин - 1210, несовершеннолетних - 29.

Трудоустроено 4350 осужденных. Средняя заработная плата составляет 11339 рублей.

Судами общей юрисдикции удовлетворено 383 ходатайства осужденных об условнодосрочном освобождении.

В 2025 году правами начальников учреждений поощрено 6843 осужденных, привлечено к ответственности 13653 осужденных.

Предоставлено 89 отпусков с выездом.

В 2025 году в исправительных центрах и участках функционирующих как исправительный центр содержалось 703 осужденных.

В 2025 году уровень привлечения к труду осужденных к принудительным работам составил 100%, среднемесячная заработная плата составляет 31,53 тыс. рублей.

В 2025 году в рамках исполнительной пробации 705 (АППГ – 607) осужденных обратились с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, в отношении 701 (АППГ – 590) осужденного принято решение о целесообразности применения пробации, в отношении 700 (АППГ – 590) осужденных составлены индивидуальные программы, в отношении 718 осужденных (АППГ – 558) применение исполнительной пробации прекращено в связи с оказанием содействия[2].

За 2025 год в рамках постпенитенциарной пробации обратился 31 человек за оказанием содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. В отно-

шении 20 лиц применение probation прекращено, в связи с оказанием необходимой помощи.

При содействии Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ставропольскому краю Автономная некоммерческая организация «Центр развития детей и социальной поддержки людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации «Перспектива» и Автономная некоммерческая организация социальной помощи «Хорошие люди» внесли изменения в уставы организаций, и возложили на себя функции осуществления деятельности центров probation, с возможностью оказания содействия в предоставлении временного места проживания на 37 койко-мест.

Основными проблемами, которые проявляются при реализации ФЗ «О probation в Российской Федерации», являются следующие:

1. Одним из основных вопросов в становлении института probation – это вопрос финансирования, т.к. предполагаемая программа ресоциализации бывших заключенных включает широкий перечень вопросов, касающихся их обеспечения жильем, решения первоочередных бытовых, медицинских, административно-правовых проблем, вопросов трудоустройства и психологической адаптации. Общественные организации (НКО не могут в полной мере обеспечить решение всех вышеперечисленных проблем бывших заключенных, включенных в программы probation. Организация финансовой поддержки через гранты и общественные фонды, местные бюджеты пока в правовом поле никак не регламентирована.

2. Существует кадровый дефицит в данной сфере, подготовка специалистов пока не налажена, несмотря на то, что АПУ ФСИН России и ВИПЭ ФСИН России уже готовят специалистов, их явно недостаточно для всей страны и в разных регионах осуществляется по индивидуальным программам. Необходимо разработать и подготовить единые программы, ввести соответствующие курсы и специализацию в учебных заведениях.

Авторы статьи предлагают следующие меры по решению указанных проблем:

1. Одним из путей расширения и повышения эффективности работы ЦП могло бы стать объединение их с государственными и общественными Центрами социальной помощи, что позволяет интегрировать услуги по реализации бывших заключенных в действующую систему обслуживания населения. В некоторых регионах ЦП часть создаются на базе уже работающих НКО и благотворительных организациях социальной помощи. В СК такая практика имеет место в ЦП «Перспектива». В Архангельске на базе Центра социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятости. В Красноярском крае функционируют государственные центры социальной адаптации. Однако все эти вопросы нуждаются в изучении, отработки правовых методик и практик.

2. В связи с введением новых функций в структуру и штатное расписание уголовно-исправительных инспекций (УИИ) были введены отделы/отделения probation.

В ФСИН России и территориальных органах была для этих целей выделена штатная численность более 3200 человек.

При дальнейшем развитии этого инструмента УИИ могут стать единым государственным органом, взаимодействующим с муниципальными органами в городах и районах и работать как многофункциональные центры уголовно-исправительной системы. Однако правовое регулирование всех форм деятельности УИИ еще в полной мере разработано.

3. Необходим специальный особый порядок probation для участников боевых действий из числа бывших заключенных. В настоящее время существуют следующие проблемы вовлечения их в процедуру probation:

1) В соответствии с ФЗ №10 обычная probation требует заранее поданного из ИК заявления и плановой подготовки по индивидуальной программе. Уходящие на СВО и получающие помилование часто выпадают из данной правовой системы.

2) Многие ветераны СВО из данного числа морально не готовы вставать в «общий поток» бывших осужденных, так как их статус защитников Отечества другой и отношение к ним государства и органов также должно быть другим. Кроме того, участие в боевых действиях,

психические травмы не позволяют данной категории плавно войти в мирную жизнь, они не видят на гражданке своего будущего, не могут рационально тратить выплаченные деньги. И на фоне стресса и отсутствия адаптации совершают повторные правонарушения и преступления.

3) Стандартные центры занятости и социальной защиты не могут оперативно решить их бытовые, жилищные и социальные вопросы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 06.02.2023 №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».
2. Данные представлены УФСИН России по Ставропольскому краю.

REFERENCES

1. Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation".
2. Data provided by the Federal Penitentiary Service of Russia for Stavropol Krai.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ ДОЛГОПОЛОВ – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия, член общественной палаты Ставропольского края, член общественной наблюдательной комиссии Ставропольского края, nadal06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЕНЮШИН – заместитель председателя общественной палаты Ставропольского края, председатель общественной наблюдательной комиссии Ставропольского края

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

KIRILL A. DOLGOPOLOV – Doctor of Sociology, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia; member of the Public Chamber of Stavropol Krai; member of the Public Monitoring Commission of Stavropol Krai, nadal06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

SERGEI N. PENYUSHIN – Deputy Chairman of the Public Chamber of Stavropol Krai, Chairman of the Public Monitoring Commission of Stavropol Krai

Статья поступила 10.07.2026

Принята к печати 25.09.2026

Научная статья

УДК 334.241.8

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.002

О процессуальном статусе сотрудников следственного изолятора: к вопросу о субъекте преступления по ст. 301 УК РФ

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия, e-mail: diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Аннотация. В статье рассматривается дискуссионный вопрос о месте сотрудников следственных изоляторов (СИЗО) в системе участников уголовного судопроизводства. На основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и ведомственных правил внутреннего распорядка автор приходит к выводу о наличии у сотрудников СИЗО вспомогательного процессуального статуса, который не вписывается в классическую триаду участников уголовного судопроизводства (органы уголовного преследования, лица с материально-правовым интересом, лица, оказывающие содействие), но при этом порождает самостоятельный блок уголовно-процессуальных правоотношений, а следовательно и уголовно-правовой статус субъекта преступления против правосудия, предусмотренного ст. 301 УК РФ.

Ключевые слова: уголовный процесс, субъект уголовно-процессуальных и уголовно-правовых отношений, следственный изолятор, сотрудник СИЗО, процессуальные обязанности, обеспечение следственных действий, правовой статус, субъект преступления.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дворянсков И. В. О процессуальном статусе сотрудников следственного изолятора: к вопросу о субъекте преступления по ст. 301 УК РФ // Lex criminalis scientiarum. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 179-184. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.002.

Original article

On the Procedural Status of Employees of a Pre-trial Detention Facility: on the Issue of the Subject of a Crime under Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, diw@yandex.ru

Abstract. The article examines the theoretical and legal issues related to the criminal procedural status of employees of investigative detention facilities. According to criminal procedural legislation, detention is one of the preventive measures used to ensure the conduct of a preliminary investigation. The same is stated in Federal Law No. 103-FZ dated July 15, 1995 (as amended on July 31, 2025, with amendments. dated 23.10.2025) "On the detention of suspects and accused persons in the commission of crimes". The article examines the debatable issue of the place of employees of pre-trial detention facilities (SIZO) in the system of participants in criminal proceedings. Based on an analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Federal Law «On the detention of suspects and accused persons in the commission of crimes» and departmental internal regulations, the author concludes that SIZO employees have an auxiliary procedural status that does not fit into the classical triad of participants.

Keywords: criminal procedure, subject of criminal procedural and criminal law relations, pre-trial detention center, employee of a pre-trial detention center, procedural obligations, support for investigative actions, legal status, the subject of the crime.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Dvoryanskov I.V. On the Procedural Status of Employees of a Pre-trial Detention facility: on the Issue of the Subject of a Crime under Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Lex criminalis scientiarum*. 2026, vol. 3, no. 3 (9), pp. 179-184. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.002.

Теория уголовно-процессуального права традиционно дифференцирует участников судопроизводства на основе критерия выполняемой функции и наличия собственного юридического интереса в исходе дела. Однако практика правоприменения обнаруживает категорию лиц, которые не указаны в главах 5–8 УПК РФ [1] в качестве самостоятельных участников, но систематически вступают в процессуальные отношения со следователем, дознавателем, судом и обвиняемым. К числу таких «непоименованных» субъектов относится персонал следственных изоляторов (далее – СИЗО). Согласно уголовно-процессуальному законодательству, содержание под стражей является одной из мер пресечения, применяемой для обеспечения проведения предварительного расследования. Об этом же говорится в Федеральном законе от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 23.10.2025) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [2]. Соответственно, сотрудники СИЗО уже на этом основании могут включаться в число субъектов уголовно-процессуальных отношений. Однако проблема заключается в том, что эти же лица согласно Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (ч. 14 ст. 16) [3], Федеральному закону от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» [4], а также собственно Закону РФ от 21.07.1993 № 5473-1 ред. от 31.07.2025) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (ст. 24) [5] имеют уголовно-исполнительный статус, хотя фактически не исполняют наказаний или иных уголовно-правовых мер.

Данный вопрос отнюдь не праздный. Его решение имеет принципиальное значение, в частности, для квалификации деяний сотрудников СИЗО по ст. 301 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Несмотря на кажущуюся очевидность ответа на него ввиду прямого указания в норме на заведомо незаконное содержание под стражей (ч. 2 ст. 301 УК РФ), которое как юридически, так и фактически может осуществлять только сотрудник СИЗО, возникает вопрос о соответствии его признакам субъекта данного преступления. Очевидно, что речь в данном случае идет о специальном субъекте, что означает необходимость учета не толь-

ко общих признаков (физической природы, вменяемости и возраста), но и дополнительных правовых требований к нему. Мы ранее писали о том, что отличием субъекта преступлений против правосудия является то, что он включен в систему процессуальных отношений [6, с. 448-449]. Этой же точки зрения придерживается и ряд других авторов [7, с. 35-38; 8, с. 106-110; 9, с. 13-20].

Проблема заключается в том, что отсутствие легальной дефиниции процессуального статуса сотрудника СИЗО порождает теоретическую неопределенность: можно ли рассматривать действия по доставке арестанта в кабинет следователя или обеспечению помещения для производства обыска как уголовно-процессуальные, либо они относятся исключительно к административно-режимной деятельности, находящейся за рамками судопроизводства?

Ключевой нормативной основой, конституирующей участие сотрудников СИЗО в уголовном процессе, выступает кроме УПК РФ, который закрепляет лишь общие принципы (в частности, ст. 11 о праве на свидание и ст. 95 о проведении следственных действий в месте содержания под стражей), также специализированный Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. В соответствии с ч. 1 ст. 34 данного закона, администрация СИЗО обязана исполнять требования следователя, дознавателя или суда о предоставлении подозреваемого, обвиняемого для участия в следственных действиях.

Думается, что именно императивный характер этих предписаний переводит административные функции (охрана, режим, пропускной контроль) в плоскость уголовно-процессуального обеспечения. В данном случае сотрудник СИЗО выступает не как агент правоохранительного органа, а как самостоятельный процессуальный гарант явки обвиняемого.

В науке уголовного процесса сложилось несколько подходов к оценке роли сотрудников мест лишения свободы вообще и СИЗО, в частности.

1. «Узко-процессуальный» подход, отрицающий субъектность, сводя роль СИЗО к чисто организационному фону (месту производства действий). Согласно данной позиции, процессуальные отношения возникают исключительно между следователем и обвиняемым, а сотрудник является лишь техническим исполнителем режимных норм [10, с. 134-142].

П. В. Тепляшин рассматривает правовое положение сотрудников и работников УИС как субъектов уголовно-исполнительных отношений, выделяя три уровня их правового положения: общий или иначе конституционный, индивидуальный или также общеслужебный, специальный [11, с. 225].

«Расширительный» подход признает сотрудника СИЗО полноценным субъектом обеспечительной процессуальной функции, поскольку его действия регламентированы УПК косвенно (через институты привода, обыска и выемки) и напрямую влияют на реализацию прав участников.

Так, С. П. Брыляков анализирует подходы к содержанию уголовно-процессуального статуса участников судопроизводства и дает характеристику объему процессуальных полномочий сотрудников УИС [8, с. 106-110].

Представляется, что более взвешенной является компромиссная позиция, согласно которой сотрудник СИЗО признается вспомогательным субъектом процессуальных отношений (субъектом обеспечения), но не субъектом доказывания или разрешения дела. Его статус характеризуется следующими признаками:

1. Отсутствие властных полномочий по принятию процессуальных решений (ст. 39, 29 УПК РФ).
2. Отсутствие собственного материально-правового интереса (в отличие от ст. 42 и 47 УПК РФ).
3. Наличие специфического комплекса публичных обязанностей, корреспондирующих правам обвиняемого (на свидание с защитником, на ознакомление с материалами дела) и правам следователя (на доступ к заключенному).

Следовательно, вступая во взаимодействие со следователем по поводу доставки и по-

мещения обвиняемого в СИЗО, сотрудник становится стороной уголовно-процессуального отношения, хотя само это отношение является производным (акцессорным) по отношению к основному отношению между следствием и подзащитным.

Вспомогательная процессуальная роль сотрудников СИЗО регламентирована ведомственными актами (в частности, Правилами внутреннего распорядка СИЗО) [12] и реализуется в следующих формах:

- обеспечение содержания заключенного под стражей;
- обеспечение беспрепятственного доступа в учреждение судей, следователей, прокуроров, адвокатов;
- доставка подозреваемых и обвиняемых по вызову уполномоченных лиц;
- предоставление оборудованных помещений для проведения следственных действий и судебных заседаний;
- осуществление охраны доставленного лица и допуска иных участников следственных действий;
- присутствие при производстве обыска, выемки, наложения ареста на имущество, хранящееся на складе СИЗО.

Данная деятельность не связана с принятием процессуальных решений, однако порождает конкретные уголовно-процессуальные отношения между администрацией СИЗО и следователем, судом, прокурором, а также подозреваемым (обвиняемым). В этом качестве сотрудник СИЗО выступает как обеспечивающий субъект процесса. Это при том, что администрация СИЗО не является участником уголовного судопроизводства в смысле ст. 5 УПК РФ и не вправе решать вопрос о допуске адвоката к участию в деле, но обязана обеспечить свидание при наличии надлежащих документов

Для квалификации конкретных действий сотрудника СИЗО как процессуально значимых необходимо применять функциональный критерий, например, сотрудник обеспечивает личную безопасность участников следственного действия (согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ); открывает камеру для производства выемки изъятых предметов; осуществляет общий надзор за дисциплиной в камере вне связи с конкретным следственным поручением.

Отдельного внимания заслуживает смена процессуальной роли. Если в отношении сотрудника СИЗО возбуждается уголовное дело (например, по ст. 301 УК РФ («Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей»); по ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий»), он выбывает из категории вспомогательных субъектов и переходит в категорию обвиняемого (подозреваемого). В этом случае он приобретает весь комплекс прав, предусмотренных ст. 47 УПК РФ, и меняет свой процессуальный статус, утрачивая при этом процессуальный иммунитет в части обязанностей сотрудника изолятора.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что сотрудник СИЗО, безусловно, обладая уголовно-исполнительным статусом как работник УИС, может выступать вспомогательным субъектом уголовно-процессуальных отношений (по функциональному признаку), но с существенными оговорками. УПК РФ специально не говорит о нем как о субъекте, однако объективно включил в процессуальную ткань судопроизводства через нормы-предписания, обязывающие оказывать содействие органам расследования и суду. Это служит и положительным ответом на вопрос – обладает ли сотрудник СИЗО статусом специального субъекта преступлений против правосудия (как прямо – по ст. 302 УК РФ, так и косвенно, например, по ст. 302 УК РФ, имея в виду расширительное толкование термина «иной сотрудник правоохранительного органа»).

В целях устранения доктринальных пробелов представляется целесообразным ввести в научный оборот дефиницию «обеспечивающий субъект процесса», которая бы объединяла администрацию СИЗО, переводчиков, понятых и специалистов, четко отделяя их от органов, ведущих процесс, и от лиц, защищающих личные интересы. Это позволит более точно квалифицировать действия персонала изоляторов и повысить эффективность судебной защи-

ты прав обвиняемых на стадии предварительного расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.08.2026).
2. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 23.10.2025) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.08.2026).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.08.2026).
4. Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.08.2026).
5. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 31.07.2025) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.08.2026).
6. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.В. Дворянскова. М.: ИНФРА-М, 2026. 583 с.
7. Александрова, О. П. Ведомственный контроль в процессе реализации учреждениями и органами ФСИН России своей уголовно-процессуальной компетенции // Безопасность уголовно-исполнительной системы. 2012. № 2 (18). С. 35–38.
8. Брыляков, С. П. Уголовно-процессуальный статус сотрудников учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, в досудебном производстве // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1 (26). С. 106-110.
9. Гирько, С. И. Проблемы уголовно-процессуального статуса уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: мифы и реальность // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 7. С. 13–20.
10. Диваев, А. Б. Уголовно-процессуальные аспекты деятельности отделов (групп) специального учета следственных изоляторов и тюрем // Вестник Кузбасского института. 2022. № 3 (52). С. 134–142.
11. Тепляшин, П. В. Некоторые вопросы правового статуса сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы российской федерации как субъектов исполнения уголовных наказаний // Уголовно-правовая наука и практика в XXI веке: вызовы и перспективы. Сборник материалов международной научно-практической конференции, в рамках VII Международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития». Новосибирск, Новокузнецк, 2025. С. 223-227.
12. Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 30.09.2025) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.08.2026).

REFERENCES

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on 04/09/2026) // Official Internet portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> (date of application: 08/13/2026).
2. Federal Law No. 103-FZ of 07/15/1995 (as amended on 07/31/2025, as amended. dated 10/23/2025) "On the detention of suspects and accused of committing crimes" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (date of application: 08/13/2026).
3. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation" dated 01/08/1997 No. 1-FZ (as amended

- on 07/31/2025, as amended. dated 12/17/2025) // The official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (date of application: 08/13/2026).
4. Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 (as amended on 12/29/2025) "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal penalties in the form of imprisonment"" (with amendments and additions, intro. effective from 04/26/2026) // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (date of appeal: 08/13/2026).
5. The Law of the Russian Federation dated 07/21/1993 No. 5473-1 (as amended on 07/31/2025) "On institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation" // Official Internet portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> (date of request: 08/13/2026).
- Criminal law. Special Part: a textbook / edited by Doctor of Law, Professor I.V. Dvoryanskov. Moscow: INFRA-M, 2026. 583 p..
7. Aleksandrova O.P. Departmental control in the process of implementing the criminal-procedural competence by institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia // Security of the penal system. 2012. No. 2 (18). Pp. 35–38.
8. Brylyakov S.P. The criminal procedural status of employees of institutions executing sentences in the form of imprisonment in pre-trial proceedings // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. No. 1 (26). Pp. 106–110.
9. Girko, S.I. Problems of the criminal procedural status of the penal system of the Russian Federation: myths and reality // Vedomosti penitentsialnoy ispolnitelnoy sistemy. 2020. No. 7. Pp. 13–20.
10. Divaev A.B. Criminal procedural aspects of the activities of departments (groups) for special accounting in pre-trial detention facilities and prisons // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2022. No. 3 (52). Pp. 134–142.
11. Teplyashin, P.V. Some issues of the legal status of employees and employees of the penal enforcement system of the Russian Federation as subjects of the execution of criminal penalties // Criminal law science and practice in the 21st century: challenges and prospects. Collection of materials of the international scientific and practical conference, within the framework of the VII International Legal Forum "Law and Economics: national experience and development strategy". Novosibirsk, Novokuznetsk, 2025. pp. 223-227.
12. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 07/04/2022 No. 110 (as amended on 30.09.2025) "On approval of the Internal Regulations of pre-trial detention facilities of the penal correction system, the Internal Regulations of correctional institutions and the Internal Regulations of correctional centers of the penal correction system" // Official Internet portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> (date of request: 08/13/2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального казённого учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Федерального казённого образовательного учреждения высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», Москва, Россия, e-mail: diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher at the Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service", Professor at the Department of Penal Law and the Organization of the Execution of Penalties Not Involving the Isolation of Convicts from Society, Federal State Educational Institution of Higher Education "Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service", Moscow, Russia, e-mail: diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Статья поступила 14.07.2026
Принята к печати 25.09.2026

Научная статья

УДК 334.241.8

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.003

Противоречия правовой системы в сфере защиты от сексуального насилия: поиск баланса между законом и справедливостью

СОФИЯ ЭДУАРДОВНА ЛАКСАЕВА

Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия,
laxaevasofia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема уголовно-правовой защиты от сексуального насилия. Рассматриваются правовые аспекты проблемы, а также выявляются противоречия правовой системы в сфере защиты от сексуального насилия. Автор приходит к выводу, что в вопросе уголовно-правового противодействия сексуальному насилию недопустим формализм, следует исходить из поиска баланса между законом и справедливостью.

Ключевые слова: сексуальное насилие, уголовно-правовая защита, противоречия, закон и справедливость.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Лаксаева С. Э. Противоречия правовой системы в сфере защиты от сексуального насилия: поиск баланса между законом и справедливостью // Lex criminalis scientiarum. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 185-189 doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.003.

Original article

Contradictions in the Legal System Regarding Protection from Sexual Violence: Finding a Balance Between Law and Justice

SOFIA E. LAXAEVA

Moscow University named after A.S. Griboedov, Moscow, Russia,
laxaevasofia@yandex.ru

Abstract. The article examines the issue of criminal-legal protection against sexual violence. The legal aspects of the problem are considered, and contradictions in the legal system in the area of protection against sexual violence are identified. The author concludes that formalism is unacceptable in the issue of criminal-legal counteraction to sexual violence; it is necessary to seek a balance between law and justice.

Keywords: sexual violence, criminal law protection, contradictions, law and justice.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Laxaeva S.E. Contradictions in the Legal System Regarding Protection

From Sexual Violence: Finding a Balance Between Law and Justice. Lex criminalis scientiarum. 2026, vol. 3, no. 3 (8), pp. 185-189. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.003.

Законы не всегда справедливы, а справедливость не всегда законна – это действительно фундаментальное и вечное противоречие в основе любого общества. Это не просто игра слов, а отражение глубокого философского и практического конфликта между двумя системами регулирования человеческих отношений: формальной (право) и моральной (справедливость).

В правовой практике нередко возникают ситуации, когда формальное следование закону приводит к результатам, воспринимаемым обществом как несправедливые, либо когда морально оправданные действия оказываются вне правового поля. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере противодействия сексуальным преступлениям, где столкновение юридических норм, психологических реалий и моральных установок порождает сложные коллизии.

Настоящая статья посвящена анализу противоречий между буквой закона и представлениями о справедливости в контексте преступлений, предусмотренных статьями 131 («Изнасилование») и 132 («Насильственные действия сексуального характера») УК РФ, а также вопросам освобождения от уголовной ответственности за подобные деяния.

Теоретический контекст проблемы лежит в различии подходов: закон оперирует формализованными составами преступлений, требующими доказательства конкретных объективных и субъективных признаков, тогда как справедливость предполагает учёт всей совокупности обстоятельств, включая субъективное восприятие жертвы, долгосрочные последствия деяния и социально культурный контекст. В уголовном праве справедливость традиционно связывается с соответствием наказания тяжести преступления, учётом индивидуальных обстоятельств дела и обеспечением баланса между защитой прав потерпевшего и гарантиями для обвиняемого. Однако на практике жёсткая кодификация составов создаёт зоны рассогласования.

Одной из ключевых проблем является квалификация «согласия» под давлением. Согласно закону, изнасилование признаётся только при наличии насилия, угрозы его применения или беспомощного состояния потерпевшего (ст. 131 УК РФ) [2; 3, с. 325]. Однако в реальности жертва может «согласиться» на сексуальные действия не из свободного волеизъявления, а вследствие: страха долгосрочных последствий (например, шантажа с угрозой распространения компрометирующей информации); психологического давления, связанного с культурными нормами (страх «позора» для семьи); зависимости от преступника (служебной, финансовой, эмоциональной). Формально такие ситуации могут не подпадать под признаки ст. 131 УК РФ, поскольку отсутствует непосредственная физическая угроза, однако морально они представляют собой явное принуждение [1, с. 215].

Другая проблемная зона – оценка беспомощного состояния. Судебная практика демонстрирует разночтения в трактовке этого понятия, особенно в случаях алкогольного или наркотического опьянения потерпевшего. В одних решениях суды признают такое состояние основанием для квалификации по ст. 131, в других – отказывают, ссылаясь на недостаточную степень утраты способности к сопротивлению. Это создаёт впечатление произвольности правоприменения и подрывает доверие к справедливости системы.

Особую остроту приобретает вопрос освобождения от ответственности. Уголовный кодекс РФ предусматривает несколько оснований для этого: Особую остроту приобретает вопрос освобождения от ответственности. Уголовный кодекс РФ предусматривает несколько оснований для этого: примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ), а также специальные правила для отдельных составов (например, примечание к ст. 134 УК РФ, допускающее освобождение от наказания при вступлении в брак с потерпевшим, не достигшим 16 лет).

Однако применение этих норм в делах о сексуальном насилии вызывает дискуссии:

- примирение в делах об изнасиловании редко возможно из-за тяжести преступления и глубины психологической травмы, но в «пограничных» случаях (например, при сомнениях в наличии насилия) оно может восприниматься как уход от ответственности;
- деятельное раскаяние, выражающееся в содействии раскрытию преступления, иногда приводит к смягчению наказания, что для жертвы выглядит несправедливым: преступник получает льготу, а она — недостаточную компенсацию вреда;
- истечение сроков давности формально прекращает уголовное преследование, даже если вина доказана, что воспринимается как безнаказанность [4, с. 131].

При этом в отдельных случаях жертва может пойти на примирение с насильником и такое решение почти никогда не бывает простым или спонтанным. За ним, как правило, стоит сложный комплекс психологических, социальных, экономических и культурных факторов, действующих совокупно и усиливающих друг друга.

С психологической точки зрения ключевую роль играют защитные механизмы психики, сформированные в условиях длительной травмы. Так, у жертвы может развиваться травматическая привязанность: вопреки логике и собственному благополучию она начинает оправдывать действия обидчика, искать для них «смягчающие» обстоятельства, бояться разрыва отношений. Этому способствует и выученная беспомощность — состояние, при котором многократные попытки изменить ситуацию заканчиваются неудачей, и человек перестаёт верить в возможность перемен, принимая существующее положение как неизбежность. Нередко жертва впадает в самообвинение: она убеждает себя, что «сама спровоцировала» насилие, «недостойна лучшей участи» или «должна терпеть», что существенно снижает готовность бороться и искать защиту. В ряде случаев срабатывает механизм отрицания или диссоциации: чтобы выжить, психика «отключает» эмоции, минимизирует значение произошедшего, избегает разговоров о травме.

Существенную роль играют страх и угрозы. Насильник может открыто угрожать убийством, увечьями или расправой над близкими; использовать косвенные методы давления — шантаж (например, угрозой распространения компрометирующих материалов), обещание лишить жилья, средств к существованию или отобрать детей. Жертва нередко опасается мести после обращения в правоохранительные органы: она боится, что агрессор станет ещё более жестоким или найдёт способы ей навредить.

Экономическая и бытовая зависимость также серьёзно ограничивает выбор. Если у жертвы нет собственного дохода, жилья или работы, разрыв отношений может означать реальную угрозу выживания. Особенно это актуально, когда необходимо обеспечивать детей без поддержки насильника либо зависеть от общего имущества, транспорта или доступа к базовым ресурсам (например, в сельской местности).

Социальная изоляция и давление окружения усугубляют ситуацию. Насильник часто целенаправленно ограничивает контакты жертвы с друзьями, семьёй и коллегами, лишая её поддержки и информации. Близкие люди (родители, родственники) могут требовать «сохранять семью», «не выносить сор из избы», обвинять жертву в провоцировании конфликта. Общественное осуждение, страх стать «позором семьи», столкнуться с клеветой или быть отвергнутой сообществом заставляют жертву молчать. Культурные или религиозные нормы, предписывающие безусловное подчинение мужу или старшим, запрет на развод, дополнительно сковывают её действия.

Определённую роль играет надежда на изменение поведения насильника. После эпизода насилия агрессор может демонстрировать раскаяние: дарить подарки, обещать «всё исправить», создавать иллюзию, что ситуация улучшится. Жертва верит, что «он на самом деле хороший», «просто сорвался», «больше не повторится». Если у насильника есть зависимость (алкогольная, наркотическая) или психические расстройства, жертва может надеяться, что лечение решит проблему.

Нередко жертва не обращается за помощью из-за отсутствия доверия к системе. Она может не верить в эффективность полиции и суда, опасаясь, что: заявление проигнорируют, будут обвинять её или затянут расследование.

Негативный опыт прошлых обращений, языковые или культурные барьеры (для мигрантов, представителей малых народов), недостаток информации о правах и доступных ресурсах (кризисных центрах, юристах, психологах) также препятствуют поиску защиты.

Особенности сложившихся общественных отношений в этой сфере и история насилия формируют устойчивый бытовой контекст терпимости. Длительная совместная жизнь, общие дети, имущество и воспоминания создают эмоциональную привязанность, затрудняющую разрыв. Цикл насилия (нарастание напряжения → взрыв → примирение → «медовый месяц») создаёт иллюзию «нормальности» отношений. Если насилие начиналось постепенно (сначала психологическое, затем физическое), жертва может долго не осознавать момент, когда ситуация стала необратимо опасной.

Возраст и уязвимость усиливают зависимость. Дети и подростки могут не понимать, что произошло, бояться наказания за «неподобающее» поведение, стыдиться. Пожилые люди опасаются остаться без ухода или потерять социальный статус. Люди с инвалидностью оказываются в особой уязвимости, если насильник одновременно выступает их опекуном.

Дополнительно осложняет ситуацию контраст между правилами для разных составов. Так, ст. 134 УК РФ допускает освобождение от наказания через брак, тогда как за изнасилование (ст. 131 УК РФ) подобный механизм неприменим. Хотя это обосновано с правовой точки зрения (различие в объективной стороне преступления), в общественном сознании возникает ощущение неравенства санкций за деяния, имеющие схожую социальную природу.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что тезис «законы не всегда справедливы, а справедливость не всегда законна» находит яркое подтверждение в сфере регулирования ответственности за изнасилование и иные формы сексуального насилия. Противоречие между формальным действием уголовного закона и представлениями о справедливости проявляется на нескольких уровнях:

Во-первых – жёсткая кодификация составов преступлений (ст. 131, 132 УК РФ) требует доказательства конкретных объективных признаков насилия, угрозы или беспомощного состояния потерпевшего. Однако в реальности механизмы принуждения нередко носят психологический, экономический или социальный характер, что затрудняет квалификацию деяния по действующим нормам. В результате формально правомерные решения могут восприниматься как несправедливые, поскольку не отражают всей глубины причинённого вреда.

Во-вторых – существующие механизмы освобождения от ответственности (примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние, истечение сроков давности) в контексте сексуальных преступлений порождают коллизии. Примирение редко возможно из-за тяжести преступления и глубины психологической травмы, но в «пограничных» случаях оно может выглядеть как уход от ответственности, деятельное раскаяние, выражающееся в содействии раскрытию иных преступлений, иногда ведёт к смягчению наказания — и это порождает ощущение несправедливости: преступник получает процессуальные льготы, тогда как жертва не получает адекватной компенсации причинённого ей вреда. Для пострадавшей стороны такое смягчение выглядит как игнорирование её интересов: тяжесть перенесённой травмы и долгосрочные последствия для психического и физического здоровья не находят отражения в правовых последствиях для виновного.

В третьих, на практике реализация закона сталкивается с комплексом социально-психологических барьеров. Жертвы нередко отказываются от преследования преступника не из-за «прощения», а вследствие страха, экономической зависимости, социальной изоляции, самообвинения или надежды на изменение ситуации. Эти факторы, хотя и не имеют прямого юридического значения, существенно влияют на восприятие справедливости правоприменения.

Таким образом, справедливость как морально этическая категория не может быть полностью подчинена формальным правовым нормам, поскольку включает в себя субъективный опыт жертвы, культурно исторический контекст и общественные ожидания относительно защиты достоинства и безопасности. Попытки формализовать все аспекты справедливости в правовых нормах неизбежно приводят к пробелам и неоднозначности, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства с учётом психологических и социальных реалий, развития механизмов поддержки жертв – психологической, юридической, материальной — а также повышения доверия к системе правосудия через обеспечение прозрачности и проявление чуткости к потребностям пострадавших. Только комплексный подход, сочетающий строгость закона с пониманием человеческого измерения травмы, способен приблизить правоприменение к идеалу справедливости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заряев, А. В. Ювенальное право : учеб. для вузов / под ред. А. В. Заряева, В. Д. Малкова. – Москва : Юстицинформ, 2005. – 317 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
3. Бриллиантов, А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации по статьям: Практическое пособие / под ред. А.В. Бриллиантова. Том 1. 3-е изд. – Москва : Проспект, 2021. – 947 с. ISBN 978-5-392-34086-6. – URL: (дата обращения: 27.01.2026). – Текст : электронный.
4. Тарабрина, Н. В. Психология посттравматического стресса : теория и практика / Н. В. Тарабрина ; Российская акад. наук, Ин-т психологии. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2009. – 302 с. – ISBN 978-5-9270-0143-9.

REFERENCES

1. Zaryayev, A.V. Juvenile law: textbook. for universities / edited by A.V. Zaryayev, V.D. Malkov. – Moscow : Justicinform, 2005. – 317 p.
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ.
3. Diamonds, A.V. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation article-by-article: A practical guide / edited by A.V. Diamonds. Volume 1. 3rd ed. – Moscow: Prospekt, 2021. – 947 p. ISBN 978-5-392-34086-6. – URL: (accessed: 01/27/2026). – Text: electronic.
4. Tarabrina, N.V. Psychology of post-traumatic stress: theory and practice / N.V. Tarabrina ; Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology. - Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009. – 302 p. – ISBN 978-5-9270-0143-9.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

СОФИЯ ЭДУАРДОВНА ЛАКСАЕВА – студентка Образовательного частного учреждения высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова», Москва, Россия, laxaevsafia@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

SOFIA E/ LAKSAYEVA – student at the Educational Private Institution of Higher Education “Moscow University named after A.S. Griboyedov”, Moscow, Russia, laxaevsafia@yandex.ru

Статья поступила 17.07.2026
Принята к печати 25.09.2026

Научная статья

УДК 343.3

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.004

Уголовная ответственность за буллинг несовершеннолетних в образовательной организации: проблемы криминализации и квалификации деяний

ЮЛИЯ ЮНИРОВНА ГИЛЬМУТДИНОВА

Научный пенитенциарный клуб, Уфа, Россия, yuristyfa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовая оценка школьной травли. Автор анализирует практику вынужденной квалификации буллинга по «смежным» составам УК РФ, выявляет «зону безответственности», в которую попадают систематическое унижение, кибербуллинг и социальная агрессия, а также обсуждает возрастной порог ответственности и пределы ответственности педагогических работников. На основе сравнительно-правового анализа (Франция, Италия, Япония, США) предлагается модель специальной нормы.

Ключевые слова: буллинг, травля, кибербуллинг, несовершеннолетние, криминализация, квалификация преступлений, образовательная организация.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гильмутдинова Ю. Ю. Уголовная ответственность за буллинг несовершеннолетних в образовательной организации: проблемы криминализации и квалификации деяний // Lex criminalis scientiarum. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 190-*. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.004.

Original article

Criminal Liability for Bullying of Minors in Educational Institutions: Problems of Criminalization and Classification of Acts

YULIA YU. GILMUTDINOVA

Scientific Penitentiary Club, Ufa, Russia, yuristyfa@mail.ru

Abstract. The article examines the criminal-legal assessment of school bullying. The author analyzes the practice of forced classification of bullying under "related" provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, identifies the "zone of irresponsibility" that includes systematic humiliation, cyberbullying and social aggression, and also discusses the age threshold for liability and the limits of liability for teaching staff. Based on a comparative legal analysis (France, Italy, Japan, the USA), a model of a special norm is proposed.

Key words: bullying, harassment, cyberbullying, minors, criminalization, classification of crimes, educational organization.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Gilmudtinova Yu. Yu. Criminal Liability for Bullying of Minors in Educational Institutions: Problems of Criminalization and Classification of Acts. *Lex criminalis scientiarum*. 2026, vol. 3, no. 2 (8), pp. 190-195.
doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.004.

Травля в школе перестала быть педагогической проблемой. Она давно вышла за рамки «детских конфликтов», о которых до сих пор рассуждают отдельные представители администраций образовательных организаций, и приобрела характер устойчивого социального явления, порождающего тяжкие последствия – от расстройств психики до самоубийств и вооружённых нападений на учебные заведения.

Классическое определение буллинга принадлежит норвежскому исследователю Д. Олвеусу: ученик подвергается травле тогда, когда он неоднократно и на протяжении времени становится объектом негативных действий со стороны одного или нескольких других учеников, причём между сторонами существует дисбаланс сил [1]. Три признака здесь ключевые – намеренность, систематичность и асимметрия власти. Именно они отличают травлю от разовой драки или взаимной ссоры равных.

Российский законодатель эту конструкцию не воспринял. Ни Уголовный кодекс, ни Кодекс об административных правонарушениях термина «травля» («буллинг») не знают. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» возлагает на образовательную организацию обязанность обеспечивать охрану жизни и здоровья обучающихся и создавать безопасные условия обучения (ст. 28, 41) [2], однако механизма ответственности за неисполнение этой обязанности применительно к травле не устанавливает.

По данным международного исследования PISA, около 27 % российских пятнадцатилетних школьников сообщали, что подвергались травле хотя бы несколько раз в месяц, – показатель заметно выше среднего по странам ОЭСР [3]. Цифра сама по себе говорит о масштабе. Вопрос в том, способен ли действующий уголовный закон дать этому явлению адекватную правовую оценку.

При отсутствии специальной нормы правоприменитель дробит единое по своей природе поведение на отдельные эпизоды и подыскивает каждому подходящий состав. Получается своеобразная мозаика.

Наиболее тяжкие случаи – доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и склонение к самоубийству (ст. 110.1 УК РФ). Именно эти нормы применяются, когда травля завершилась суицидом или попыткой суицида. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего может выражаться в длительном оскорбительном обращении, издевательствах, распространении клеветнических сведений [4]. Формулировка, казалось бы, прямо описывает буллинг – но работает она только «пост-фактум», когда трагедия уже произошла.

Физическое насилие квалифицируется по ст. 112, 115, 116, 116.1 УК РФ, систематические побои и иные насильственные действия, причинившие физические или психические страдания, – по ст. 117 УК РФ (истязание). Угрозы – по ст. 119 УК РФ. Распространение порочащих измышлений в школьном чате – по ст. 128.1 УК РФ. Съёмка и «слив» интимных изображений одноклассницы – по ст. 137, а при определённых условиях – по ст. 242.1 и 240.1 УК РФ. Групповые издевательства, совершённые публично и грубо нарушающие общественный порядок, теоретически охватываются ст. 213 УК РФ, хотя на практике хулиганский мотив в школьной травле доказывается редко. Наконец, оскорбление и побои, не образующие состава преступления, уходят в административную плоскость – ст. 5.61 и 6.1.1 КоАП РФ.

Такой подход имеет три пробела.

Во-первых, теряется системность деяния. Травля – это не сумма эпизодов, а длящееся состояние, в котором жертва находится месяцами. Оценивая каждый толчок и каждое оскорбление изолированно, правоприменитель фактически «размывает» общественную опас-

ность до уровня, при котором ни один эпизод не тянет на преступление. Во-вторых, игнорируется асимметрия сил. Уголовный закон исходит из формального равенства участников конфликта, тогда как суть буллинга – в невозможности для жертвы защититься. В-третьих, объект посягательства определяется неверно. Травля причиняет вред не столько здоровью или чести, сколько психическому благополучию и праву на безопасную образовательную среду.

Как показывает практика, значительная часть форм травли вообще не получает уголовно-правовой оценки.

Прозвища, насмешки над внешностью, порча вещей, публичное высмеивание – всё это может продолжаться годами и разрушить психику подростка, не оставив ни одного медицински фиксируемого повреждения. Ст. 117 УК РФ требует физических или психических страданий, причинённых систематическими побоями либо иными насильственными действиями; чисто вербальная травля под неё не подпадает. Оскорбление же после декриминализации 2011 года переместилось в КоАП, а его «административная» санкция для несовершеннолетнего означает штраф, который заплатят родители.

Травля в мессенджерах и социальных сетях обладает специфическими свойствами: круглосуточность, неограниченная аудитория, анонимность, «вечность» контента. Российское законодательство самостоятельной нормы о кибертравле не содержит; отдельные проявления квалифицируются по ст. 128.1, 137, 119 УК РФ, но большинство – травля в закрытых чатах, создание оскорбительных мемов, организованная «атака» на страницу жертвы – остаются вне правового поля.

Ст. 20 УК РФ устанавливает общий возраст уголовной ответственности в 16 лет, а по перечню составов ч. 2 – 14 лет. В этот перечень входят ст. 111, 112, 117 (ч. 2), 131, 132, 213 (ч. 2) УК РФ, но не входят ст. 110, 110.1, 115, 116, 119, 128.1, 137.

Криминологические исследования показывают, что пик буллинг-активности приходится на возраст 11–14 лет, то есть на период обучения в 5–8 классах [5]. Возникает разрыв: агрессор наиболее активен тогда, когда он ещё не является субъектом преступления по большинству «пригодных» для квалификации статей.

Следует ли снижать возрастной порог? Полагаем, нет. Снижение возраста ответственности вступит в противоречие с принципом гуманизма и с рекомендациями Комитета ООН по правам ребёнка, который прямо призывает государства не опускать минимальный возраст уголовной ответственности ниже 14 лет [6]. Более продуктивен иной путь – развитие мер, предусмотренных Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», включая помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также расширение практики школьной медиации.

Отдельный вопрос – ответственность взрослых. Педагог, который знает о травле и бездействует, объективно способствует продолжению посягательства. Ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) прямо называет среди субъектов педагогического работника образовательной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, – однако требует, чтобы неисполнение было соединено с жестоким обращением. Судебная практика толкует «жестокое обращение» как активные действия самого субъекта; попустительство травле со стороны одноклассников в эту конструкцию укладывается с трудом.

Ст. 293 УК РФ (халатность) применима лишь к должностным лицам государственных и муниципальных учреждений и только при наступлении крупного ущерба либо существенного нарушения прав, что при доказывании также вызывает сложности. Ст. 5.35 КоАП РФ адресована родителям и иным законным представителям. Таким образом, ответственность администрации школы за необеспечение безопасной среды остаётся преимущественно гражданско-правовой (возмещение вреда по ст. 1073–1074 ГК РФ).

Ряд государств пошёл по пути создания специальной нормы.

Наиболее показателен французский опыт. Законом от 2 марта 2022 г. № 2022-299 «О борьбе со школьной травлей» в Уголовный кодекс Франции введена ст. 222-33-2-3, устанавливающая ответственность за *harcèlement scolaire* – повторяющиеся действия, направленные на ухудшение условий обучения, влекущие вред физическому или психическому здоровью потерпевшего. Наказание дифференцировано по последствиям: до трёх лет лишения свободы и штрафа в 45 000 евро в базовом варианте, до пяти лет и 75 000 евро – при неспособности к труду свыше восьми дней, до десяти лет и 150 000 евро – если травля повлекла самоубийство потерпевшего или покушение на него. Норма распространяется и на действия, совершённые с использованием цифровой среды, а её субъектом может быть не только обучающийся, но и работник образовательной организации [7].

Япония после серии подростковых самоубийств приняла Закон о продвижении мер по предупреждению травли 2013 г. Закон определяет «идзимэ» через субъективное восприятие жертвы – как действия, причиняющие ей психические или физические страдания, – и возлагает на каждую школу обязанность разработать собственную антибуллинговую программу, создать постоянно действующую комиссию и незамедлительно сообщать о «серьёзных ситуациях» органам управления образованием [8]. Уголовная составляющая здесь минимальна, административно-организационная – максимальна.

В США антибуллинговое законодательство принято во всех пятидесяти штатах, однако его характер преимущественно школьно-дисциплинарный. Криминализация коснулась главным образом кибертравли: закон Миссури, принятый после гибели Меган Майер, дополнил состав *harassment* признаком использования электронных средств связи. Вместе с тем американский опыт демонстрирует и риски такого пути – в деле *State v. Bishop* (2016) Верховный суд Северной Каролины признал местный статут о кибербуллинге неконституционным как чрезмерно широкий и посягающий на свободу слова, гарантированную Первой поправкой [9]. Урок понятен: специальная норма требует предельно точных признаков.

Криминализация оправданна, но лишь для квалифицированных, наиболее опасных проявлений травли; основную нагрузку должны нести профилактические и восстановительные механизмы.

Целесообразно дополнить главу 17 УК РФ статьёй 117.1 «Травля (буллинг) несовершеннолетнего» следующего содержания (концептуально):

Часть 1. Систематические действия, выражающиеся в унижении чести и достоинства, запугивании, изоляции от коллектива, применении насилия либо распространении порочащих сведений, совершённые в отношении несовершеннолетнего лицом (группой лиц), обладающим фактическим превосходством в силу физических, возрастных, статусных или численных преимуществ, повлекшие причинение потерпевшему психических страданий, – наказываются...

Часть 2. Те же деяния, совершённые:

- а) в отношении лица, находящегося в зависимом положении от виновного;
- б) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»;
- в) группой лиц по предварительному сговору;
- г) лицом с использованием своего служебного положения (педагогическим работником, воспитателем, тренером).

Часть 3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо самоубийство потерпевшего или покушение на него.

Возраст ответственности по ч. 1 и 2 предлагаемой нормы разумно установить общий – шестнадцать лет, по ч. 3 – четырнадцать, дополнив соответствующим образом перечень ч. 2 ст. 20 УК РФ. Параллельно требуется скорректировать ст. 156 УК РФ, прямо указав на по-

пустительство травле как форму неисполнения обязанностей по воспитанию, а также закрепить в ст. 41 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» обязанность образовательной организации выявлять факты травли и реагировать на них.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Olweus D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford: Blackwell Publishing, 1993. P. 9.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 28, 41) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
3. PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives. Paris: OECD Publishing, 2019. P. 46–52.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; см. также разъяснения о признаках систематического унижения человеческого достоинства применительно к ст. 110 УК РФ.
5. Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
6. Комитет ООН по правам ребёнка. Замечание общего порядка № 24 (2019) о правах ребёнка в системе правосудия по делам детей. CRC/C/GC/24. П. 22.
7. Law No. 2022-299 of March 2, 2022, aimed at combating school bullying // JORF No. 0052 of March 3, 2022; Penal Code (France), Article 222-33-2-3.
8. Закон о продвижении мер по предупреждению травли № 71 от 28 июня 2013 г. (Япония), ст. 2, 13, 28.
9. State v. Bishop, 368 N.C. 869, 787 S.E.2d 814 (N.C. 2016); Mo. Rev. Stat. § 565.090 (Missouri, «Megan Meier Cyberbullying Prevention» amendments, 2008).

REFERENCES

1. Olweus D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford: Blackwell Publishing, 1993. P. 9.
2. Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012, "On Education in the Russian Federation" (Articles 28, 41) // SZ RF. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.
3. PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives. Paris: OECD Publishing, 2019. Pp. 46–52.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 1999, No. 1 «On Judicial Practice in Cases of Murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)»; see also the clarifications regarding the signs of systematic humiliation of human dignity in relation to Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation.
5. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Bullying as an Object of Research and a Cultural Phenomenon // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2013. Vol. 10. No. 3. Pp. 149–159.
6. UN Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 24 (2019) on the rights of the child in the child justice system. CRC/C/GC/24. Paragraph 22.
7. Law No. 2022-299 of March 2, 2022, aimed at combating school bullying // JORF No. 0052 of March 3, 2022; Penal Code (France), Article 222-33-2-3.
8. The Law on Promoting Measures to Prevent Bullying No. 71 of June 28, 2013 (Japan), arts. 2, 13, 28.
9. State v. Bishop, 368 N.C. 869, 787 S.E.2d 814 (N.C. 2016); Mo. Rev. Stat. § 565.090 (Missouri, «Megan Meier Cyberbullying Prevention» amendments, 2008).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЮЛИЯ ЮНИРОВНА ГИЛЬМУТДИНОВА – член Межрегиональной общественной организации «Научный пенитенциарный клуб», Уфа, Россия, yuristyfa@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

YULIA YU. GILMUTDINOVA – member of the Interregional Public Organization "Scientific Penitentiary Club", Ufa, Russia, yuristyfa@mail.ru

Статья поступила 25.08.2026

Принята к печати 25.09.2026

Научная статья

УДК 343.81

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.005

Исправительные учреждения в механизме реализации задач правосудия

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ХАРЬКОВСКИЙ

Научный пенитенциарный клуб, Вологда, Россия, elh76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8809-2450>

Аннотация. В статье выявляется особая роль исправительных учреждений в механизме реализации задач правосудия. Автор акцентирует внимание на том, что сегодня деятельность исправительных учреждений направлена не только на то, чтобы изолировать лиц, которые совершили общественно-опасные деяния. Их деятельность тесно связана с точным исполнением приговора, вынесенного судом, с исправлением осужденных и их социальной адаптации, что в совокупности позволяет разрешать ряд задач правосудия. Автор подчеркивает важную роль режима, который устанавливается в исправительных учреждениях и который также направлен на то, чтобы способствовать разрешению указанных задач. Многочисленные виды исправительных учреждений, разный режим, наличие воспитательной и трудовой работы в данных учреждениях – все это демонстрирует ведущую роль исправительных учреждений в реализации правосудия на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: исправительные учреждения, правосудие, заключенные, осужденные, справедливость, пенитенциарная система.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Харьковский Е. Л. Исправительные учреждения в механизме реализации задач правосудия // Lex criminalis scientiarum. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 196-202. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.005.

Original article

Correctional Institutions in the Mechanism for Implementing Justice Tasks

EVGENY L. KHARKOVSKY

Scientific Penitentiary Club, Vologda, Russia, elh76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8809-2450>

Abstract. This article explores the special role of correctional institutions in the implementation of justice objectives. The author emphasizes that today, correctional institutions are not solely focused on isolating individuals who have committed socially dangerous acts. Their activities are closely linked to the precise execution of court sentences, the rehabilitation of convicted individuals, and their social adaptation, which

together enable them to achieve a number of justice objectives. The author emphasizes the crucial role of the regime established in correctional institutions, which is also aimed at facilitating the implementation of these objectives. The numerous types of correctional institutions, varying regimes, and the presence of educational and labor work within these institutions all demonstrate the crucial role of correctional institutions in the implementation of justice in the Russian Federation.

Key words: correctional institutions, justice, prisoners, convicts, fairness, penitentiary system.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Kharkovsky E.L. Correctional Institutions in the Mechanism for Implementing Justice Tasks. *Lex criminalis scientiarum*. 2026, vol. 3, no. 3 (9), pp. 196-202. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.005.

Латинское слово «*jus*», означающее «право» или «закон» стало основой формирования термина «правосудие», который описывает идеальное состояние общества, при котором все люди и обстоятельства находятся в равном, справедливом положении. Сфера применения правосудия охватывает два ключевых направления. Первое – это возмездие, второе – это распределение [1, с. 56]. В рамках карательного подхода правосудие может выражаться либо в воздаянии за прошлые деяния, либо в превентивном назначении наказания с расчетом на его будущий эффект. Относительно распределительного аспекта, то здесь возможны различные подходы – от обеспечения всеобщего равенства до максимального роста общественного благополучия. Соответственно, в анализируемом контексте, правосудие выполняет карательную и распределительную функции (задачи).

Исправительные учреждения выступают в качестве ключевого элемента пенитенциарной системы, реализующие карательную (исполнение наказаний) и воспитательную (ресоциализацию) задачу правосудия. Они обеспечивают неотвратимость ответственности, изоляцию опасных лиц и предупреждение новых преступлений [2, с. 103].

Организация и функционирование системы исправительных учреждений на территории Российской Федерации базируются на нормативных правовых положениях Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [3]. В соответствии со ст. 74 УИК РФ, «...исправительными учреждениями являются исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения. Следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, осужденных, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу и которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания, осужденных, перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в следственный изолятор...» [3].

При определении конкретного места отбывания наказания необходимо принимать во внимание совокупность таких факторов, как: характер и степень общественной опасности совершенного преступления, наличие смягчающих либо отягчающих вину обстоятельств, а также мотивационную составляющую противоправного поведения. Следует отметить, что подобные учреждения рассчитаны на содержание осужденных в принципиально различные сроки наказания – начиная от ограниченного периода лишения свободы и заканчивая пожизненным содержанием под стражей.

На сегодняшний день на официальном сайте ФСИН России отсутствует актуальная статистика относительно количества исправительных учреждений на территории Российской Федерации. Вместе с тем важно отметить, что на начало 2023 г. в УИС России функционировало 35 исправительных колоний особо режима для осужденных при особо опасном рецидиве преступлений, 6 исправительных колоний особого режима для осужденных к по-

жизненному лишению свободы, 251 исправительных колоний строгого режима, 164 исправительных колоний общего режима для осужденных мужчин, исправительных колоний общего режима для осужденных женщин, 94 колонии-поселения, 51 лечебных исправительных учреждений, 23 лечебно-профилактических учреждения, 7 тюрем, 13 воспитательных колоний, 46 исправительных центров, 210 следственных изоляторов, 71 помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора, 25 транзитно-пересыльных пунктов, 321 участок исправительных центров, изолированных участков, функционирующих как исправительные центры при исправительных учреждениях [4]. Соответственно, можно отметить достаточно большое количество исправительных учреждений различного вида, в которых установлен разный режим отбывания наказания.

Рассматривая роль исправительных учреждений в выполнении задач, поставленных перед системой правосудия, отметим, что реализация таковых задач включает в себя три главные составляющие:

1. Исполнение приговора суда. В данном случае можно говорить о главной задаче, которая видится в реализации меры уголовной ответственности (лишение свободы), которая назначена судом. Исполнение судебного приговора строится по нескольким ключевым правилам. Администрация исправительного учреждения организует трудовую деятельность осужденных с учетом их здоровья, обеспечивает возможность их обучения с целью получения осужденными образования. Также администрация строго следит за сроками наказания, поведением самого осужденного и соблюдением всех ограничений, которые наложены судом на последнего.

Среди ключевых направлений деятельности исправительных учреждений можно выделить ряд относительно обособленных и практически значимых функций. К ним относятся обеспечение осужденных необходимыми бытовыми условиями, медицинское и санитарное обслуживание, а также производственно-хозяйственная деятельность [5, с. 87]. Помимо этого, важную роль играют материально-техническое обеспечение, организация работы с кадрами, административное и управленческое руководство учреждением [6].

2. Исправление осужденных. Здесь следует иметь в виду формирование у них уважительного отношения к закону и труду с помощью режима, воспитательной работы и получения образования [7, с. 121].

Согласно положениям ст. 9 УИК РФ, исправление представляет собой целенаправленное воспитание у лиц, отбывающих наказание, уважительного отношения к личности, социуму, трудовой деятельности, а также устоявшимся нормам и традициям совместного проживания людей, наряду с формированием у них стремления к законопослушному поведению. Вторая часть указанной статьи закрепляет совокупность ключевых инструментов, направленных на исправление осужденных. В их число входят профессиональная подготовка, трудовая деятельность, приносящая пользу обществу, а также воздействие со стороны социума. Помимо этого, к данным средствам относятся получение базового образования, воспитательные мероприятия и строго регламентированный порядок отбывания и исполнения назначенного наказания, именуемый как режим.

Законодатель, выделяя исправление осужденных в качестве отдельной цели наказания, фактически рассматривает его не как самостоятельную задачу, а как инструмент достижения частной превенции. Само по себе предупреждение преступлений представляет собой более широкое понятие, выходящее за рамки одной лишь частной превенции, для реализации которой и необходимо исправление лица, совершившего преступление [8, с. 17].

Подобное разграничение между исправлением и предупреждением новых преступлений призвано, по всей видимости, акцентировать особую значимость недопущения повторных противоправных деяний со стороны осужденного. И здесь уже, на наш взгляд, говорить об исправлении не совсем уместно. Соответственно, можно сделать вывод о том, что положения об исправлении осужденных, которые закреплены в УИК РФ, должны быть пере-

смотрены и реформированы.

3. Социальная адаптация, что подразумевает под собой превентивную функцию, которая направлена на помощь осужденным в возвращении к нормальной жизни в обществе после отбытия наказания. Фундаментом этой системы является Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [9]. Пробация состоит из трех основных этапов. Рассмотрим два из них, которые реализуются непосредственно в условиях отбывания наказания в исправительных учреждениях.

Первый этап исполнительный, он осуществляется во время отбывания наказания осужденным в исправительном учреждении. Здесь следует говорить о предоставлении психологической помощи, обучении профессиям, подготовки к освобождению.

Второй этап пенитенциарный начинается за несколько месяцев до выхода осужденного на свободу. Совместно с сотрудниками ФСИН разрабатывается индивидуальная программа ресоциализации. Как отмечает Д.В. Горбань, «...ресоциализация представляет собой процесс взаимодействия на конструктивной основе заинтересованных организаций, состоящих из системы исправительных учреждений, общественных организаций и муниципальных учреждений, частных и юридических лиц, с участием самих осужденных, а также службы пробации. Целью такого взаимодействия является предоставление осужденным возможности сформировать навыки правопослушного поведения для позитивного участия в жизни социума...» [10, с. 128]. Снижение влияния криминальной субкультуры на лиц, отбывающих наказание, и противодействие ее распространению в пенитенциарных учреждениях выступает одним из ключевых условий эффективного возвращения осужденных к полноценной социальной жизни. Решение данной задачи требует разработки и внедрения целостного комплекса программ, ориентированных на управление как индивидуальным, так и групповым поведением осужденных. При этом ресоциализация подобных программ должна осуществляться в тесном взаимодействии всех профильных подразделений и служб исправительных учреждений с опорой на наиболее современные и действенные методы воздействия и методы влияния.

Обратимся к успешным практикам отдельных субъектов Российской Федерации в области реинтеграции лиц, отбывающих наказание. В частности, на территории Республики Татарстан УФСИН России реализует активное вовлечение осужденных в волонтерскую деятельность, что играет ключевую роль в процессе их социальной адаптации. Взаимодействие с благотворительным фондом «Оберег» осуществляется в УФСИН России по Иркутской области на договорной основе [11].

В рамках данного сотрудничества осужденным предоставляется комплексная поддержка – как социальная, так и юридическая, направленная на предупреждение рецидивов. Подобный накопленный региональный опыт, включающий партнерство с такими структурами, как Казанская общественная организация «Вера», объединяющая родственников наркозависимых, и рядом других профильных организаций, работающих в сфере общественного здоровья и противодействия деструктивным социальным явлениям, существенно влияет на процесс возвращения осужденных и полноценной жизни в обществе, способствуя их успешной ресоциализации.

В Московской области добровольцы движения «Даниловцы» получили возможность работать с осужденными. В частности, им разрешено организовывать культурные мероприятия, творческие тренинги. Помимо этого, волонтеры вправе привлекать к сотрудничеству представителей различных профессий, медиков, психологов, юристов и творческих специалистов для проведения лекций, занятий и бесед, направленных на профориентацию и социальную реабилитацию осужденных.

Подобное сотрудничество эффективно способствует достижению целей социальной адаптации осужденных. Оно трансформирует сам подход к исправлению осужденных, переводя их из пассивных объектов надзора в активных участников общественной жизни.

Данная практика на социальную адаптацию проявляется в нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, здесь следует говорить о морально-психологической переориентации и дестигматизации. Когда происходит смена социальной роли, развивается эмпатия. Далее следует говорить о приобретении и сохранении полезных социальных навыков. Например, можно указать на навыки командного взаимодействия, трудовую терапию и новые компетенции. Такое сотрудничество проявляется в формировании социальной системы после освобождения осужденных. Они стремятся создать здоровое окружение, у них появляется чувство стабильности и уверенности в будущем. Более того, указанное сотрудничество проявляется в появлении юридической мотивации и формировании законопослушного поведения.

Заслуживающий внимания позитивный опыт отдельных регионов в области работы с осужденными должен получить широкое распространение. Представляется целесообразным, чтобы субъекты Российской Федерации активно перенимали и адаптировали в своей практике наиболее результативные программы и инициативы, направленные на социальную реинтеграцию лиц, отбывающих наказание. Со своей стороны УФСИН берет на себя ответственность всесторонне содействовать работе представителей Добровольческого движения «Даниловцы» на территории подведомственных УФСИН учреждений [12].

Соответственно, цели уголовного наказания отличаются от задач правосудия именно практической их реализацией. К таковым целям относятся исполнение приговора, исправление и социальная адаптация осужденных. Можно сделать вывод о том, что цели уголовного наказания (посредством функционирования исправительных учреждений) детализируют задачи правосудия в большей степени с карательной стороны. Именно благодаря исправительным учреждениям приговоры судов, вынесенные в контексте правосудия, реализуются на практике.

Принимая во внимание, что вся деятельность исполнительных учреждений базируется на нормах уголовно-исполнительного законодательства, отдельно следует выделить и его задачи. К таковым относятся регулирование порядка и условий исполнения наказаний, определение средств исправления осужденных, охрана прав, свобод и законных интересов осужденных, оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Соответственно, правосудие решает виновен ли человек, наказание определяет меру его кары, а уголовно-исполнительное право организует сам процесс отбывания этой меры.

Таким образом, правосудие выступает в качестве особого вида государственной деятельности, которая заключается в рассмотрении и разрешении судами уголовных дел на основе закона. Вместе с тем, без деятельности исполнительных органов судебный вердикт не имеет практического значения. Соответственно, в контексте исполнительных органов правосудие рассматривается как конечная, материальная стадия защиты прав граждан, где решение суда воплощается в институт государственного принуждения.

Исправительные учреждения занимают важное место в механизме реализации задач правосудия, поскольку именно они обеспечивают исполнение назначенных судом наказаний и воплощение принципов законности, справедливости и неотвратимости ответственности. Их деятельность выходит за рамки простого изоляционного воздействия. Данная деятельность связана с обеспечением прав осужденных, поддержанием общественной безопасности и созданием условий для исправления и последующей ресоциализации личности.

Порядок отбывания наказания (режим, который имеет множество своих разновидностей) реализует множество важных для правосудия задач. В качестве примера можно привести карательную функцию, которая выполняется посредством ограничения прав и свобод (изоляция), что предусмотрено непосредственно в самом приговоре суда. Изоляция преступников для защиты общества и самих осужденных реализует охранительную функцию, а предотвращение новых правонарушений как внутри исправительного учреждения, так и за его пределами осуществляет предупредительную функцию. В целом, следует отметить, что

исправительный учреждения выступают в качестве ключевого элемента правового государства, который играет важную роль в поддержании правопорядка на территории Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малуха, В. Е. К вопросу о сущности принципов правосудия / В. Е. Малуха, Е. А. Лачина // *Мировая наука*. – 2024. – № 3 (84). – С. 55-58.
2. Натяга П. О. Учреждения и органы исполнения наказаний Российской Федерации / П. О. Натяга // *Вестник науки*. – 2022. – Т. 3. – № 11 (56). – С. 101-108.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // *Российская газета*. – 1997. – № 9.
4. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 03.06.2026).
5. Маликов Б. З. Учреждения уголовно-исполнительной системы России в механизме применения и исполнения лишения свободы / Б. З. Маликов // *Уголовно-исполнительное право*. – 2025. – Т. 20 (1-4). – № 1. – С. 84-91.
6. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 31.07.2025) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // *Ведомости СНД и ВС РФ*. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.
7. Савушкин С. М. Исправление осужденных как цель деятельности исправительных учреждений / С. М. Савушкин // *Цель наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт)*. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Благовещенск. – 2025. – С. 119-125.
8. Антонченко В. В. Исправление осужденных как цель уголовного наказания / В. В. Антонченко // *Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла*. Материалы II Международной научно-практической конференции. Екатеринбург. – 2025. – С. 13-20.
9. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // *Российская газета*. – 2023. – № 29, 09.02.2023.
10. Горбань Д. В. О некоторых вопросах ресоциализации положительно характеризующихся осужденных / Д. В. Горбань // *IUS PUBLICUM ET PRIVATUM*. – 2023. – № 3 (23). – С. 125-132.
11. Пробация в РФ: институциональные и структурные особенности внедрения. Санкт-Петербург. – 2025. – URL: https://kaskad.haf-spb.org/wp-content/uploads/2025/06/probaczziya-v-rf_instituczionalnye-i-strukturnye-osobennosti-vnedreniya_otchet_2025.pdf (дата обращения: 03.06.2026).
12. «Даниловцы» и УФСИН подписали соглашение о сотрудничестве. – URL: <https://www.danilovcy.ru/2015/07/danilovcy-i-ufsin-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve/> (дата обращения: 03.06.2026).

REFERENCES

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on April 9, 2026) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on March 8, 2026) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2001. – No. 249. – Art. 4921.
3. On Judicial Practice in Cases Involving Crimes Related to Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, Potent Substances, and Poisonous Substances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 of June 15, 2006 (as amended on May 16, 2017) // *Rossiyskaya Gazeta*. – 2006. – No. 137.
4. Kushova, Yu. O. Problems in Classifying the Inducement to Use Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, or Their Analogs / Yu. O. Kushova // *Young Scientist*. – 2024. – No. 20 (519). – pp. 361–363.
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of Dec. 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on Apr. 9, 2026, with amendments as of Apr. 29, 2026) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 1.

6. Epifanov, A.E. On the Distinction Between Incitement to Use Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, or Their Analogs Committed Using Information and Telecommunications Networks and Related Crimes / A.E. Epifanov // Law and Practice: [website]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-razgranicheniya-skloneniya-k-potrebleniyu-narkoticheskikh-sredstv-psihotropnyh-veschestv-ili-ih-analogov-sovershennogo-s> (accessed May 2, 2026).
7. Cassation Ruling No. 77-1157/2023 of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated May 30, 2023 (UID 47RS0006-01-2020-000749-12): [website]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=88994#KIF7QJVUbKqTs015> (accessed May 1, 2026).
8. Artemova, D.A. Hidden Threats of the Digital Environment. Online Propaganda for Narcotic Substances and the Fight Against It / D.A. Artemova // Contemporary Scientific Research and Innovation: [website]. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/05/95589> (accessed May 1, 2026).
9. Judgment No. 1-132/2023 of the Dolgoprudny City Court of the Moscow Region dated January 23, 2024, in Case No. 1-132/2023. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wpeDBj3lc8rc/> (accessed May 1, 2026).
10. Simonenko, D.A. Exemption from Criminal Liability for Persons Cooperating with Authorities Conducting Operational and Investigative Activities / D.A. Simonenko // Society and Law: [website]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-lits-okazyvayuschih-sodeystvie-organam-osuschestvlyayuschim-operativno-rozysknuyu> (accessed May 2, 2026).
11. Ovchinko, O.A. Inducing a Minor to Use Drugs: Does Russian Criminal Law Need Special Provisions? / O.A. Ovchinko: [website]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sklonenie-nesovershennoletnego-k-upotrebleniyu-narkotikov-nuzhny-li-rossiyskomu-ugolovnomu-zakonu-stati-kazusy> (accessed May 2, 2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ХАРЬКОВСКИЙ – кандидат юридических наук, доцент, Межрегиональная общественная организация «Научный пенитенциарный клуб» Вологда, Россия, elh76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8809-2450>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EVGENY L. KHARKOVSKY – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Interregional Public Organisation "Scientific Penitentiary Club", Vologda, Russia, elh76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8809-2450>

*Статья поступила 07.07.2026
Принята к печати 25.09.2026*

Научная статья

УДК 343.622

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.006

Проблемные аспекты объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению спорных вопросов, связанных с определением объективной стороны состава преступления, регламентирующего ответственность матери за убийство новорожденного ребенка. Отдельные аспекты уголовной ответственности за данный состав преступления в настоящее время являются предметом оживленных дискуссий. Например, неоднозначно отношение исследователей и практических работников к выделению детоубийства в качестве привилегированного состава. В научной среде имеют место дебаты, относительно определения и объективной стороны указанного состава преступления. В первую очередь это касается двух обязательных признаков: времени и обстановки совершения преступления. В этой связи автором приводятся различные точки зрения ученых относительно предмета исследования. В работе акцентируется внимание на то, что в законодательстве имеются отдельные пробелы и лакуны в изучаемой сфере, которые в некоторых случаях могут затруднить квалификацию преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, привилегированный состав преступления, женская преступность, убийство матерью новорожденного ребенка, объективная сторона преступления.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Латышева Л. А. Проблемные аспекты объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка // Lex criminalis scientiarum. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 203-208. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.006.

Original article

Problematic Aspects of the Objective Side of the Crime Involving Liability for the Murder of a Newborn Child by the Mother

LYUDMILA A. LATYSHEVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary

Service, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Abstract. This article is devoted to examining controversial issues related to defining the objective component of the crime that regulates a mother's liability for the murder of her newborn child. Certain aspects of criminal liability for this crime are currently the subject of lively debate. For example, researchers and practitioners have mixed views on classifying infanticide as a privileged crime. There are debates in academic circles regarding the definition and objective component of this crime. First and foremost, this concerns two mandatory elements: the time and circumstances in which the crime was committed. In this regard, the author presents various scholars' viewpoints regarding the subject of the study. The paper focuses on the fact that there are certain gaps and lacunae in the legislation in the area under study, which in some cases may complicate the classification of a crime.

Keywords: criminal liability, privileged corpus delicti, female crime, infanticide, objective side of the crime.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Latysheva L.A. Problematic Aspects of the Objective Side of the Crime Involving Liability for the Murder of a Newborn Child by the Mother. *Lex criminalis scientiarum*. 2026, vol. 3, no. 3 (9), pp. 203-208. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.006.

Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности женщин в ряде случаев обусловлена дополнительными гендерными признаками, связанными с репродуктивной функцией, в частности материнством и беременностью.

В этой связи научный и практический интерес представляют отдельные аспекты уголовной ответственности женщин, убивших своих детей, в том числе новорожденных.

Как известно, в отечественном уголовном праве убийство новорожденного ребенка рассматривается как менее опасный вид убийства, что отражается на пределах уголовной ответственности за него. Вместе с тем некоторые моменты уголовной ответственности за рассматриваемое преступление являются предметом научных дискуссий. В частности в научной среде сложилось неоднозначное отношение к определению объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Согласно данной статье объективная сторона рассматриваемого состава преступления выражена в следующих действиях (бездействии): 1) убийство матерью новорожденного ребенка во время родов 2) убийство матерью новорожденного ребенка сразу же после родов; 3) убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации; 4) убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. При этом смерть может быть причинена как путем действия через удушение, нанесение ран, ушибов и т.д., так и бездействия, например отказ в поддержании жизнедеятельности ребенка, в частности оставление новорожденного без помощи, кормления, ухода и пр.[1, с. 132].

В данном контексте принципиально обратить внимание на время совершения преступления, как обязательный признак объективной стороны.

Рассматривая первую ситуацию, можно сделать вывод, что убийство совершается в течение относительно непродолжительного периода времени. Речь идет об убийстве матерью ребенка, еще не начавшего самостоятельной внеутробной жизни. Некоторые исследователи, например К.В. Дядюн, указывают, что в этой связи возникает проблема квалификации действий женщины, например, умышленно удушающей ребенка в процессе родов либо наносящей смертельные раны в голову рождающемуся младенцу. Таким образом, содеянное вообще находится вне пределов уголовно-правового регулирования.

В рамках анализа объективной стороны особое внимание следует акцентировать на обстановке совершения преступления: в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства. С точки зрения Т.Н. Нуркаевой понятие «психотравмирующая ситуация» не имеет точного определения [2, с. 121]. С позиции Н. Соловьевой, психологическое содержание психотравмирующей ситуации чрезвычайно разнообразно, определяется общей системой ценностей личности, реакцией на неблагоприятные воздействия [3, с. 13]. Интересно, что психотравмирующая ситуация может существовать и до родов, и после них довольно продолжительное время.

Общеизвестно, что под психотравмирующей ситуацией понимаются негативные обстоятельства и негативные эмоции, которые вызваны сложившейся ситуацией. Применительно к ст. 106 УК РФ данные обстоятельства непосредственно связаны с родовым процессом, в частности, отсутствие денежных средств на содержание ребенка [4, с. 93], получение известия о гибели отца ребенка или близких родственников [5, с. 16]. Как справедливо отмечает Н.Е. Аленкин, в условиях психотравмирующей ситуации совершаются и другие преступления, что не влечет их привилегизации. В анализе уголовных дел, проведенных данным исследователем, указывалось, что в 96% случаев виновная могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [6, с. 94]. По мнению многих ученых, детоубийство совершается предумышленно, планируется до наступления родов. В свете сказанного следует отметить, что женщина, являющаяся пособником или подстрекателем убийства своего новорожденного ребенка, будет нести ответственность по ч. 2 ст. 105 УК РФ. К.В. Дядун, размышляя о данном составе, отмечает, что вряд ли возможно квалифицировать по привилегированному составу заранее обдуманное убийство младенца женщиной неоднократно рожавшей, не испытывающей особого психологического дискомфорта от данного процесса [7, с. 16]. По результатам анализа 95 уголовных дел, проведенных А.М. Багметом, А.В. Трощановичем, только в двух из них женщина при совершении преступления находилась в состоянии эмоционального напряжения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, в остальных случаях никаких временных болезненных психических состояний не выявлено [8, с. 20]. Согласно исследованию совершение преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, характерно для незамужних, неработающих женщин 20–30 лет, ранее рожавшим, имеющим 1–2 детей, употребляющих алкоголь или наркотические средства, ведущих аморальный образ жизни, вступающих в беспорядочные половые отношения. Как видится, речь о каких-либо смягчающих обстоятельствах в данном случае не может идти. В этой связи целесообразным является отказ от психотравмирующей ситуации и психического расстройства как привилегизирующих обстоятельств, а включение их в перечень смягчающих обстоятельств.

Как справедливо отмечает Ю.М. Голомбайте, особое психологическое состояние роженицы, физические и психические переживания, связанные с родами, создают почву для злоупотреблений женщиной своим привилегированным положением [9, с. 436]. Автором предлагается квалифицировать деяние по ст. 106 УК РФ в случае, если оно совершено с внезапно возникшим умыслом. А.В. Лунева в данном контексте обращает внимание, что в п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ прописано смягчающее вину обстоятельство – совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, поэтому убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации не должно приниматься во внимание для смягчения уголовной ответственности. Данное правило, по мнению автора, должно распространяться и на убийство, совершенное в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [10, с. 70].

На наш взгляд, наиболее убедительна в этом плане позиция Т.Н. Нуркаевой, Т.В. Кондрашовой, которые единственным основанием отнесения данного убийства к привилегированному считают особое психическое состояние женщины, которое должно быть вызвано экстремальной ситуацией (родами) и ограничено во времени (во время родов или непосред-

ственно после них) [11, с. 122]. Т.Н. Волкова отмечает, если убийство ребенка во время родов либо сразу же после них можно в какой-то степени объяснить ее особым состоянием, то убийство новорожденного ребенка, совершенного позже, условиями психотравмирующей ситуации или состоянием психического расстройства, не исключающего вменяемости, в принципе не может быть объяснимо [12, с. 52]. В свою очередь, П. Кривошеин, также разделяющий мнение других исследователей, выступающих против отнесения убийства ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, приводит довольно интересные доводы. Во-первых, он указывает, что младенец, проживший несколько недель или дней, уже является человеком. Наделенным правами человека и гражданина, в том числе и правом на жизнь. Во-вторых, в своем исследовании он апеллирует нормами УК РСФСР 1960 г., который не предусматривал в качестве самостоятельного состава – убийство матерью новорожденного ребенка, подобные деяния приравнивались к простому убийству [13, с. 39].

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что в настоящее время имеются отдельные спорные моменты относительно времени совершения рассматриваемого преступления. Неоднозначным является отнесение убийства матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или психического расстройства, не исключающего вменяемости, к альтернативным действиям объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. Невозможно говорить о пониженной общественной опасности убийства матерью новорожденного ребенка, например, в условиях психотравмирующей ситуации. В данном случае женщина планирует преступление, после его совершения чаще всего пытается скрыть следы. Иногда действует по уразумению третьих лиц, например, сожителя. Это свидетельствует о ее безнравственности, аморальности и жестокости. К привилегированному составу можно отнести, как вариант, первые две ситуации, убийство во время или сразу после родов. То есть убийство, вызванное особым психофизиологическим состоянием роженицы. С другой стороны открытым остается вопрос: заслуживает ли серьезного смягчения уголовной ответственности женщина, целенаправленно убившая своего ребенка, беспомощного и беззащитного? В некоторых европейских странах под уголовно-правовой охраной находятся еще не родившиеся дети, а в данном случае речь идет о человеке, начавшем самостоятельную жизнь, о человеке, как равноправном члене нашего общества. К сожалению, анализ исследований по данной проблематике констатирует, что многие женщины не пытаются найти альтернативу убийству, например, определение ребенка в детский дом. В этой связи целесообразным представляется усиление уголовно-правовой охраны новорожденного ребенка и пересмотр конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. Прежде всего, речь идет об определении объективной стороны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кротких, С. А. Проблемы толкования и применения нормы об убийстве матерью новорожденного ребенка // Актуальные вопросы юридических наук: сб. матер. III Междунар. науч. конф., 2017. – С. 132 – 136.
2. Нуркаева, Т. Н. О совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2005. – № 1. – С. 121 – 122.
3. Соловьева Н. Психотравмирующая ситуация: значение для квалификации детоубийств // Законность. – 2006. – № 8. – С. 11 – 13.
4. Аленкин, Н. Е. Вопросы уголовной ответственности за детоубийство (ст. 106 УК РФ) // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2013. – № 5. – С. 87 – 101.
5. Дядюн, К. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы объективной стороны состава // Адвокат. – 2013. – № 11. – С. 14 – 19.

6. Аленкин, Н. Е. Вопросы уголовной ответственности за детоубийство (ст. 106 УК РФ) // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2013. – № 5. – С. 87 – 101.
7. Дядюн, К. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы объективной стороны состава // Адвокат. – 2013. – № 11. – С. 14 – 19.
8. Багмет, А. М., Трощанович, А. В. К вопросу об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ // Уголовное право. – 2014. – № 11. – С. 18 – 20.
9. Голомбайте, Ю. М. К вопросу о субъективных признаках состава убийства матерью новорожденного ребенка // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 1. – С. 435 – 436.
10. Лунева, А. В. Проблемы законодательной регламентации ответственности за детоубийство // «Черные дыры» в Уголовном законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 67 – 71.
11. Нуркаева, Т. Н. О совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2005. – № 1. – С. 121 – 122.
12. Волкова, Т. Н. Детоубийство // Преступление и наказание. – 2007. – № 4. – С. 52 – 55.
13. Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 38 – 40.

REFERENCES

1. Krotkikh, S. A. Problems of interpretation and application of the norm on the murder of the mother of a newborn child // Current issues of legal sciences: collection of materials. III Medjunar. scientific Conference, 2017. pp. 132-136.
2. Nurkaeva, T. N. On improving the legislative structure of the composition of the murder of the mother of a newborn child // "Black holes" in Russian Legislation. 2005. No. 1. pp. 121-122.
3. Solovyova N. Psychotraumatic situation: significance for the qualification of infanticide // Legality. - 2006. – No. 8. - pp. 11-13.
4. Alenkin, N. E. Issues of criminal liability for infanticide (Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow University. - Episode 11. Pravo, 2013, No. 5, pp. 87-101.
5. Dyadyun, K. V. The murder of the mother of a newborn child: issues of the objective side of the composition // Advocate, 2013, No. 11, pp. 14-19.
6. Alenkin, N. E. Issues of criminal liability for infanticide (106 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow University. - Episode 11. Pravo, 2013, No. 5, pp. 87-101.
7. Dyadyun, K. V. Murder of the mother of a newborn child: issues of the objective side of the composition // Advocate. – 2013. – No. 11. - pp. 14-19.
8. Bagmet, A.M., Troshchanovich, A.V. On the issue of responsibility for the crime provided for in art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal law. – 2014. – No. 11. - pp. 18-20.
9. Golombaite, Yu. M. On the issue of subjective signs of the composition of the murder of the mother of a newborn child // Russian criminological view. – 2012. – No. 1. - pp. 435-436.
10. Luneva, A.V. Problems of legislative regulation of responsibility for infanticide // "Black holes" in Criminal legislation. - 2013. – No. 5. - pp. 67-71.
11. Nurkaeva, T. N. On improving the legislative structure of the composition of the murder of the mother of a newborn child // "Black holes" in Russian Legislation. – 2005. – No. 1. - pp. 121-122.
12. Volkova, T. N. Infanticide // Crime and punishment. - 2007. – No. 4. - pp. 52-55.
13. P. Krivoshein. Murder of a newborn baby's mother // Criminal Law, 2005, No. 2, pp. 38-40.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

LYUDMILA A. LATYSHEVA – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the

Department of Criminal Law And Criminology at "Vologda Institute Of Law And Economics of The Federal Penitentiary Service" Federal State Educational Institution of Higher Education, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru , <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Статья поступила 04.09.2026

Принята к печати 25.09.2026

Научная статья

УДК 343.2/7

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.007

Трансформация института соучастия в условиях цифровизации и сетевых коммуникаций

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГАСЫМОВА

Научный пенитенциарный клуб, Минск, Беларусь, qasimova.rn@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-5486-9062>

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические проблемы трансформации института соучастия в уголовном праве Российской Федерации под влиянием развития цифровых технологий. Автор анализирует как анонимность, трансграничность и автоматизация в сети Интернет размывают классические признаки соучастия, закрепленные в ст. 32 УК РФ. Особое внимание уделено новым преступным ролям и сетевой структуре формирований. На основе анализа актуальной российской судебной практики предложены направления модернизации отечественного уголовного законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: соучастие, уголовное законодательство, цифровизация, преступление, сетевые коммуникации.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гасимова Н. А. Трансформация института соучастия в условиях цифровизации и сетевых коммуникаций // *Lex criminalis scientiarum*. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 209-212. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.007.

Original article

Transformation of the Institution of Participation in the Context of Digitalization and Network Communications

NINA A. GASIMOVA

Scientific Penitentiary Club, Minsk, Belarus, qasimova.rn@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5486-9062>

Abstract. This article examines the theoretical and practical challenges of transforming the concept of complicity in Russian criminal law under the influence of digital technologies. The author analyzes how anonymity, cross-border nature, and automation on the internet are eroding the classic elements of complicity enshrined in Article 32 of the Russian Criminal Code. Particular attention is paid to new criminal roles and the network structure of criminal groups. Based on an analysis of current Russian judicial practice, directions for modernizing domestic criminal legislation and clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are proposed.

Key words: complicity, criminal law, digitalization, crime, network communications.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Gasymova N.A. Transformation of the Institution of Participation in the Context of Digitalization and Network Communications. *Lex criminalis scientiarum*. 2026, vol. 3, no. 3 (9), pp. 209-212. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.007.

Легальное определение соучастия, закрепленное в ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], определяет его как умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. Данная дефиниция формировалась в эпоху, когда совместность предполагала очевидное физическое или явное информационное взаимодействие участников в реальном мире.

Однако стремительное развитие сетевых коммуникаций, шифрованных мессенджеров и теневого сегмента Интернета привело к глубокой деформации традиционных форм преступного взаимодействия. Современные соучастники могут находиться в разных субъектах Российской Федерации или за рубежом, использовать псевдонимы, не зная данных друг друга, а координация их действий нередко автоматизируется с помощью алгоритмов и ботов. Это ставит перед российской доктриной уголовного права и судебной практикой серьезный вызов. Сегодня присутствует явная необходимость в уточнении принципов квалификации преступлений, когда классический «сговор» перемещается в виртуальное пространство.

Цифровая среда существенно усложняет установление как объективных, так и субъективных признаков соучастия, предусмотренных ст. 32 и ст. 35 УК РФ. Обращая внимание на объективные признаки, следует отметить, что совместность в российском уголовном праве предполагает причинную связь между действиями каждого соучастника и общим преступным результатом. В сетевых структурах эта связь становится опосредованной.

Разработчик фишингового скрипта, который может выступать в качестве потенциального пособника или же организатора по смыслу ст. 33 УК РФ, выкладывает инструмент на закрытом форуме. Не связанный с ним лично исполнитель использует этот скрипт для хищения денег с карты гражданина, что квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Физически и пространственно участники находятся далеко друг от друга, но их действия образуют единый преступный результат. Правоприменителю становится все труднее доказывать единый материальный критерий соучастия.

Обратим внимание также и на субъективные признаки. В данном случае следует упомянуть ч. 2 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которой преступление признается совершенным по предварительному сговору группой лиц, если участники договорились об этом до начала совершения преступления. В цифровой реальности этот сговор часто формализуется не через вербальный диалог, а через передачу цифровых ключей, паролей, автоматическую верификацию условий в боте, принятие правил (так называемая оферта) криминального интернет-ресурса.

Для судов России серьезную проблему представляет доказывание умысла [4, с. 281]. Например, в делах о дистанционных мошенничествах рядовые участники часто заявляют об отсутствии умысла на соучастие в конкретном преступлении, утверждая, что лишь выполняли разовые технические задания, предложенные им в сети, и не знали о конечной преступной цели организаторов.

Одним из наиболее ярких примеров трансформации института соучастия в России является деятельность дропперов (дропов). Это лица, которые предоставляют свои банковские карты, доступы к личным кабинетам банкинга или сим-карты для вывода и обналичивания похищенных денежных средств [6, с. 182]. Следует отметить, что в Российской Федерации впервые возбудили уголовное дело за данные действия в 2025 г. Виновная, желая заработать денежные средства, по указанию мошенников открыла в одном из банков счет индивидуального предпринимателя. На него злоумышленники зачисляли полученные преступным

путем денежные средства. Всего было зачислено более одного млн руб.

Вместе с тем, в российской следственной практике до сих пор нет единого подхода к их действиям. Если следствию удастся доказать, что дроппер осознавал преступный характер происхождения денег, его действия квалифицируются по ч. 5 ст. 33 и соответствующей части ст. 159 или ст. 158 УК РФ. При отсутствии явных доказательств сговора действия дропперов часто выносятся за рамки соучастия и квалифицируются по ст. 187 УК РФ (в 2025 г. впервые в данную статью была введена уголовная ответственность за данный вид деятельности [5, с. 58]), либо они вовсе остаются в статусе свидетелей, а потерпевшие вынуждены взыскивать с них средства в гражданском порядке как неосновательное обогащение по ст. 1102 ГК РФ [3]. Такого рода дуализм подрывает принцип неотвратимости наказания за групповые киберпреступления, поскольку финансовой ядро схемы зачастую уходит от ответственности за основное преступление.

Сетевые коммуникации обострили проблему эксцесса исполнителя. В условиях удаленной работы организатор криминальной схемы не может контролировать исполнителя в режиме реального времени. Если исполнитель, например, решает не просто спрятать товар, а совершить разбойное нападение на случайного прохожего, налицо качественный эксцесс. Однако по причине шифрования переписки и удаления логов следствию крайне затруднительно разграничить, какие действия охватывались умыслом группы, а какие были личной инициативой исполнителя.

Доказывание соучастия в судах России полностью сместилось в сферу цифровой криминалистики. Юридически значимыми признаками соучастия теперь выступает анализ метаданных файлов переписки в мессенджерах, совпадение IP-адресов, IMEI-кодов, идентичность криптографических кошельков и т.д. При этом суды сталкиваются с дефицитом процессуальных норм. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] не всегда адаптируется под скорость изменения цифровых платформ, что усложняет легализацию данных, полученных из зарубежных или децентрализованных источников.

Таким образом, российский институт соучастия нуждается в адаптации к реалиям цифрового общества. Представляется, что в настоящее время необходим специализированный Пленум, который зафиксирует что согласие на участие в преступной схеме путем выполнения технологических команд автоматизированных систем (к которым относятся программы, боты) при осознании общего противоправного характера деятельности образует форму предварительного сговора. Одновременно с этим требуется четкое разграничение на законодательном уровне ответственности лиц, содействующих легализации и выводу активов киберпреступников, с усилением уголовной ответственности за систематическую передачу аутентификационных данных третьим лицам. Целесообразно дополнить перечень пособнических действий (ст. 33 УК РФ) упоминанием предоставления цифровой инфраструктуры, программного обеспечения и услуг по анонимизации сетевой активности для совершения преступлений. Представляется, что только через модернизацию понимания совместности и сговора уголовный закон сможет эффективно противодействовать сетевым формам группой преступности в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Российская газета. – 2001. – № 249.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Васильева, А. В. Дропперы в системе киберпреступности: уголовно-правовые проблемы

квалификации и перспективы законодательного регулирования / А. В. Васильева // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 37. – С. 279-287.

5. Зезюлина, Т. А. Новый подход к установлению уголовной ответственности дропперов: проблемы и перспективы / Т. А. Зезюлина // Право в современном мире. – 2025. – № 4 (77). – С. 56-64.

6. Самсина, Е. Е. Мошенничество с использованием дропперов, меры противодействия / Е. Е. Самсина // Вестник Национального института бизнеса. – 2025. – № 1 (57). – С. 180-185.

7. В России возбудили первое уголовное дело о дропперстве. – URL: <https://www.rbc.ru/society/24/07/2025/6881e4179a7947a757e4ce14> (дата обращения: 28.08.2026).

REFERENCES

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 08/04/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. - Art. 2954.

2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on July 26, 2026) // Rossiyskaya gazeta. 2001. No. 249.3.

The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on 06/24/2025, as amended. dated 06/09/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. - Article 410.

4. Vasilyeva, A.V. Droppers in the cybercrime system: criminal law problems of qualification and prospects for legislative regulation / A.V. Vasilyeva // Issues of Russian justice. – 2025. – No. 37. - pp. 279-287.

5. Zezulina, T.A. A new approach to establishing criminal liability of droppers: problems and prospects / T. A. Zezulina // Law in the modern world. – 2025. – № 4 (77). - Pp. 56-64.

6. Samsina, E. E. Fraud using droppers, counteraction measures / E. E. Samsina // Bulletin of the National Institute of Business. – 2025. – № 1 (57). - Pp. 180-185.

7. The first criminal case of droppery was opened in Russia. - URL: <https://www.rbc.ru/society/24/07/2025/6881e4179a7947a757e4ce14> (date of request: 08/28/2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГАСИМОВА – сторонник Межрегиональной общественной организации «Научный пенитенциарный клуб», Минск, Беларусь, qasimova.rn@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5486-9062>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NINA A. GASIMOVA – supporter of the Interregional public Organization "Scientific Penitentiary Club", Minsk, Belarus, qasimova.rn@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5486-9062>

Статья поступила 05.09.2026

Принята к печати 25.09.2026

Научная статья

УДК 343.36

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.008

Противодействие ложным экспертным заключениям без избыточной криминализации: поиск оптимальной модели ответственности

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БАДАЕВА

Московский университет им. А. С. Грибоедова, Москва, Россия, info@pravovoi-center.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы правового регулирования ответственности эксперта за дачу заведомо ложного заключения. Анализируются недостатки существующей уголовно-правовой модели, связанные с доказыванием заведомости, разграничением с экспертной ошибкой и пробелами в законодательной конструкции. Рассматриваются альтернативные подходы: административная, дисциплинарная и гражданско-правовая ответственность, а также зарубежные модели (швейцарская модель ответственности за нарушение доверия, немецкие договорные конструкции). Обосновывается необходимость поиска оптимальной модели противодействия ложным заключениям, сочетающей уголовную ответственность за наиболее опасные умышленные деяния с развитием институтов гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности за небрежность и профессиональные ошибки.

Ключевые слова: заведомо ложное заключение эксперта, статья 307 УК РФ, экспертная ошибка, ответственность эксперта, гражданско-правовая ответственность, дисциплинарная ответственность, административная ответственность, противодействие без избыточной криминализации.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бадаева Е. А. Противодействие ложным экспертным заключениям без избыточной криминализации: поиск оптимальной модели ответственности // Lex criminalis scientiarum. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 213-217. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.008.

Original article

Countering False Expert Opinions Without Excessive Criminalization: the Search for an Optimal Model of Responsibility

EKATERINA A. BADAIEVA

A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia, info@pravovoi-center.ru

Abstract. The article examines the problems of legal regulation of an expert's liability

for giving a deliberately false conclusion. The author analyzes the shortcomings of the existing criminal law model related to the proof of knowledge, the distinction between expert error and gaps in the legislative structure. Alternative approaches are considered: administrative, disciplinary and civil liability, as well as foreign models (the Swiss model of liability for breach of trust, German contractual structures). The article substantiates the need to find an optimal model for countering false conclusions, combining criminal liability for the most dangerous intentional acts with the development of institutions of civil and disciplinary responsibility for negligence and professional errors.

Keywords: knowingly false expert opinion, Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation, expert error, expert liability, civil liability, disciplinary liability, administrative liability, counteraction without excessive criminalization.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Badaeva E.A. Countering False Expert Opinions Without Excessive Criminalization: the Search for an Optimal Model of Responsibility. *Lex criminalis scientiarum*. 2026, vol. 3, no. 3 (9), pp. 213-217. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.008.

Закключение эксперта занимает особое место в системе судебных доказательств, нередко становясь определяющим фактором при вынесении судебных решений [10]. Именно поэтому достоверность экспертных выводов необходимое условие законного и обоснованного правосудия. Вместе с тем практика сталкивается с проблемой как заведомо ложных заключений, так и добросовестных экспертных ошибок, разграничение которых вызывает значительные сложности [5].

Действующая модель противодействия ложным экспертным заключениям базируется преимущественно на уголовно-правовых запретах (307 УК РФ) [1]. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «одной статьи 307 УК РФ для всех вариантов недостаточно» [9]. Возникает вопрос: приводит ли избыточная криминализация к необоснованному привлечению экспертов к ответственности за добросовестные ошибки и, напротив, не оставляет ли она безнаказанными более опасные формы злоупотребления?

Статья 307 УК РФ предусматривает ответственность за заведомо ложное заключение в суде либо в производстве предварительного расследования [1]. Преступление имеет формальный состав и считается оконченным с дачи заведомо ложного заключения. Санкции дифференцированы: ч. 1 — штраф 80 тыс., либо обязательные работы 480 часов, либо исправительные работы до 2 лет, либо арест до 3 месяцев; ч. 2 — принудительные работы до 5 лет либо лишение свободы на тот же срок (при соединении с обвинением в тяжком или особо тяжком преступлении); ч. 3 — принудительные работы до 5 лет либо лишение до 6 лет (при искусственном создании обвинения) [1].

Ключевым признаком состава является заведомость — сознательное искажение результата, которое необходимо отличать от методической ошибки, недостаточной квалификации или добросовестного расхождения профессиональных мнений [10]. Как отмечает Е.Р. Россинская, заведомо ложное заключение эксперта — это «осознанные неверные действия по проведению экспертизы, умышленно неверное применение или выбор методики экспертного исследования, заведомо неправильная их оценка» [10, с. 215].

Однако правоприменительная практика сталкивается с рядом существенных проблем [4]:

Проблема доказывания заведомости. Установление умысла эксперта представляет значительную сложность, поскольку требует доказывания того, что эксперт осознавал ложность своих выводов и желал их дать [6]. Как справедливо отмечается в литературе, «проблема установления заведомой ложности эксперта — это часть общей проблемы установления обмана, актуальность которой возрастает» [5].

Проблема разграничения с экспертной ошибкой. Добросовестное заблуждение, недоста-

точная квалификация, невнимательность, ошибочный анализ не могут служить основанием для привлечения к уголовной ответственности [10]. Однако чёткие критерии дифференциации заведомо ложного заключения от экспертной ошибки в законодательстве отсутствуют [5].

Пробелы в законодательной конструкции. В настоящее время законодательно не предусмотрено совершение рассматриваемого преступления в форме бездействия, что создаёт трудности при квалификации действий экспертов, умышленно умалчивающих о существенных фактах [11]. Кроме того, статья 307 УК РФ не охватывает случаи ложных показаний экспертов, данные в ходе его допроса [4].

Разграничение со смежными составами. Статья 307 УК РФ конкурирует со ст. 200.6 УК РФ (ответственность эксперта сфере закупок), ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств) и административным составом ст. 19.26 РФ [2], создаёт дополнительные сложности для правоприменителей [11].

Наряду с уголовной ответственностью, российское законодательство предусматривает иные виды ответственности экспертов.

Административная ответственность установлена статьей 17.9 КоАП РФ за заведомо ложное заключение эксперта при производстве по делу об административном правонарушении, а также статьёй 19.26 КоАП РФ за заведомо ложное заключение при осуществлении государственного и муниципального контроля [2]. Однако административные санкции (штраф от 1 до 3 тыс. рублей) несопоставимы с тяжестью последствий, которые может повлечь ложное заключение, и не обладают достаточным превентивным потенциалом [9].

Дисциплинарная ответственность экспертов предусмотрена ведомственными нормативными актами и трудовым законодательством. Однако её применение ограничено случаями, когда эксперт состоит в трудовых отношениях с государственным учреждением, и не охватывает частных экспертов [8].

Гражданско-правовая ответственность экспертов в российском праве развита недостаточно. В отличие от зарубежных правовых порядков, где разработаны специальные модели ответственности экспертов, в России преобладает уголовно-правовой подход [8]. Как справедливо отмечает М.И. Клементьева, «альтернативная модель ответственности эксперта была реализована швейцарском правовом порядке и получила название ответственности за нарушение доверия» [8]. Немецкое право предусматривает информационный договор и договор с охранительным эффектом для третьих лиц [8].

Швейцарская модель ответственности за нарушение доверия базируется на работах немецкого юриста К.В. Канариса и состоит в наложении ответственности на лицо, которое своими действиями создало у другого лица определённый уровень ожидания (доверия) наличия какого-то факта или состояния, но не оправдало его [8]. Применительно к экспертным заключениям это означает, что эксперт, обладая профессиональным статусом, создаёт у суда и участников процесса разумное доверие к своим выводам; не оправдание этого доверия влечёт ответственность независимо от наличия умысла [8].

Немецкая модель предлагает две договорные конструкции: подразумеваемый информационный договор (эксперт, давая заключение, как бы заключает договор о предоставлении достоверной информации) и договор с охранительным эффектом для третьих лиц (эксперт несёт ответственность не только перед заказчиком, но и перед третьими лицами, которые полагаются на его заключение) [8].

Отечественная наука основывается на подходе Верховного Суда РФ к квалификации экспертной ответственности за чистые экономические убытки третьих лиц в качестве деликтной [8]. Положения деликтного права допускают взыскание чистых экономических убытков третьих лиц, возникшие в связи с недостоверным экспертным заключением. При этом, как справедливо отмечается, «оценка противоправности должна основываться не на противоправности результата, а на противоправности поведения эксперта» [8, с. 112].

Представляется, что оптимальная модель противодействия ложным экспертным заключениям должна строиться на следующих принципах.

1. Уголовная ответственность должна сохраняться, но применяться только к наиболее опасным формам деяний: умышленным, корыстным или иным образом мотивированным искажениям, повлёкшим или способным повлечь тяжкие последствия (осуждение виновного, оправдание виновного, причинение крупного имущественного ущерба) [6]. При этом необходимо законодательно урегулировать проблему бездействия, дополнив диспозицию ст. 307 УК РФ указанием на умышленное умолчание о существенных фактах [11].

2. Нужно развивать институт гражданско-правовой ответственности экспертов. Представляется обоснованным восприятие элементов швейцарской модели ответственности за нарушение доверия и немецких договорных конструкций, адаптированных к российским реалиям [8]. Это позволит привлекать экспертов к имущественной ответственности за небрежность и профессиональные ошибки, повлёкшие имущественные потери участников процесса, без избыточной криминализации.

3. Требуется совершенствование дисциплинарных механизмов в рамках саморегулируемых организаций экспертов и государственных экспертных учреждений, включая разработку чётких стандартов качества экспертных исследований и процедур внутреннего контроля [9].

4. Необходима разработка методических рекомендаций по разграничению экспертной ошибки и заведомо ложного заключения, а также унификация подходов к оценке доказательств, позволяющая судам более эффективно выявлять признаки недобросовестности экспертов [5].

Таким образом, противодействие ложным экспертным заключениям требует не избыточной криминализации, а дифференцированного подхода к видам ответственности. Избыточная криминализация создаёт риск привлечения к ответственности добросовестных экспертов за профессиональные ошибки, одновременно оставляя безнаказанными более опасные формы злоупотреблений в виду сложности доказывания умысла [7].

Оптимальная модель ответственности должна сочетать уголовную ответственность за умышленные, общественно опасные деяния с развитыми институтами гражданско-правовой (деликтной и договорной) и дисциплинарной ответственности за небрежность и профессиональные ошибки. Такой подход позволит обеспечить эффективное противодействие ложным заключениям без избыточной криминализации, укрепляя доверие к институту судебной экспертизы и правосудию в целом, также он опирается на мировой опыт развитых стран с тенденцией декриминализации и депенализации в процессе поиска методов борьбы с преступностью [7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ . – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.
4. Аккаева, Х. А. Проблемы квалификации заведомо ложных показаний, заключения эксперта, специалиста или перевода // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 4. – С. 269-272.
5. Боронильщикова, Е. Д. Экспертная ошибка и заведомо ложное заключение эксперта: проблема разграничения // Юридическая наука и практика. – 2023. – № 4.
6. Дворянсков, И. В. Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств: Дис. канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2000.
7. Дворянсков, И. В. Уголовное наказание и его цели: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 166 с.
8. Клементьева, М. И. Ответственность эксперта за недостоверное заключение: гражданско-

правовой аспект: Дис. канд. юрид. наук. – М., 2023.

9. Колесникова, Н. С., Попов, В. П. К вопросу об ответственности судебного эксперта // Проблемы в российском законодательстве. – 2022. – № 3.

10. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. 2-е изд. – М.: Проспект, 2023. – 416 с.

11. Севостьянова, С. О. Некоторые проблемы квалификации и уголовно-правовой оценки фальсификации доказательств, совершенной экспертом // Закон и право. – 2021. – № 9. – С. 133-136.

REFERENCES

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 09.04.2026) // SZ RF. – 1996. – No. 25. - Art. 2954.

2. Administrative Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 04/9/2026) // SZ. – 2002. - No. 1 (Part 1). - Art. 1.

3. Federal Law dated 05/31/2001 No. 73-fz "on state forensic expert activity in the Russian Federation" // NW RF. - 2001. – No. 23. - Article 2291.

4. Akkaeva, H.A. Problems of qualification of deliberately false testimony, expert opinion, specialist or translation // Gaps in Russian legislation. - 2020. – No. 4. - pp. 269-272.

5. Boronilshchikova, E.D. Expert error and deliberately false expert opinion: the problem of differentiation // Legal science and practice. – 2023. – № 4.

6. Dvoryanskov, I.V. Criminal law support for obtaining reliable evidence: Dis. kand. jurid. sciences'. Ulyanovsk, 2000.

7. Dvoryanskov, I.V. Criminal punishment and its goals: a monograph. Moscow: INFRA-M, 2025. 166 p.

8. Klementyeva, M.I. The responsibility of an expert for an unreliable conclusion: the civil law aspect: Dis. cand. jurid. Sciences, Moscow, 2023.

9. Kolesnikova, N.S., Popov, V. P. On the issue of judicial expert's responsibility // Gaps in Russian legislation. – 2022. – № 3.

10. Rossinskaya, E.R. Forensic examination: typical errors. 2nd ed., Moscow: Prospekt, 2023, 416 p.

11. Sevostyanova, S.O. Some problems of qualification and criminal law assessment of falsification of evidence conducted by an expert // Law and Law. – 2021. – No. 9. - pp. 133-136.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БАДАЕВА – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, криминологии и уголовно-исполнительного права Образовательного частного учреждения высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова», Москва, Россия, info@pravovoi-center.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EKATERINA A. BADAeva – Postgraduate student of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Moscow University named after A.S. Griboyedov", Moscow, Russia, info@pravovoi-center.ru

Статья поступила 11.09.2026

Принята к печати 25.09.2026

lexcriminalis.ru